

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT

№ 1

Scientific quarterly

Moscow 2022

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 1

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2022

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, *д-р ист. наук, проф. (председатель)*

Н.И. Архипова, *д-р экон. наук, проф.*

Л.Н. Вдовиченко, *д-р социол. наук, проф.*, В.Д. Губин, *д-р филос. наук, проф.*
доктор Гудрун Ершов (*Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия*)

Г.Г. Ершова, *д-р ист. наук*, В.И. Заботкина, *д-р филол. наук, проф.*

Г.И. Зверева, *д-р ист. наук, проф.*, И.И. Исаев, *канд. филол. наук, доц.*

В.А. Колотаев, *д-р филол. наук, проф.*, Н.Л. Лепе, *канд. физ.-мат. наук, доц.*

А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф.*, С.Ю. Неклюдов, *д-р филол. наук, проф.*

О.В. Павленко, *канд. ист. наук, доц.*, Н.В. Ростиславлева, *д-р ист. наук, проф.*

И.С. Смирнов, *канд. филол. наук*, А.А. Столяров, *канд. ист. наук, доц.*

П.П. Шкаренков, *д-р ист. наук, проф.*

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, *гл. ред., д-р ист. наук, доц.*, И.П. Азерникова, *канд. ист. наук, доц.*

П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*, Ю.Г. Бит-Юнан, *д-р филол. наук, доц.*

Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц.*, Е.А. Косован, *канд. ист. наук, доц.*

И.С. Курилович, *канд. филос. наук, с.н.с.*, С.С. Новосельский, *канд. ист. наук*

Е.П. Охалкина, Н.В. Петров, *канд. филол. наук, доц.*, Н.С. Петрова, *канд. филол. наук, н.с.*

Л.А. Печищева, *канд. ист. наук, доц.*, Н.А. Филин, *д-р ист. наук, доц.*

Л.С. Холкина, *канд. филол. наук, с.н.с.*

Ответственный за выпуск

И.Н. Косиченко, *канд. ист. наук, ст. преп.*

(рубрика «Испанская Америка: встреча Старого и Нового Света»)

Содержание

Испанская Америка: встреча Старого и Нового Света

<i>И.Н. Косиченко</i>	
К выходу второй латиноамериканской рубрики	9
<i>Д.Ю. Рябова</i>	
Научные представления древних майя	12
<i>С.О. Триполко</i>	
Двоеверие и религиозный синкретизм на Юкатане на рубеже XVI–XVII вв. по сведениям «Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatán» Педро Санчеса де Агиляра	18
<i>А.В. Емцова</i>	
Эволюция интерпретации явления Девы Марии Гваделупской в Новой Испании в XVI–XVII вв.	24
<i>Н.С. Климов</i>	
Монетное дело Новой Испании	33
Проблемы исторической памяти	
<hr/>	
<i>А.А. Королева</i>	
Деконструкция советской концепции декабризма в современной отечественной историографии	39
<i>Д.В. Колесниченко</i>	
Агитационная деятельность Телеграфного агентства Советского Союза в годы Великой Отечественной войны	43
<i>А.С. Стыценок</i>	
Деятельность Спецгруппы по увековечению памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы в 1976–1989 гг.	52
<i>Т.Ю. Сидорова</i>	
Политика памяти о холокосте в современной России: особенности и перспективы, 2000–2021 гг.	56

<i>Н.С. Арсеньев</i> Возрождение российского казачества как механизм реконструкции культурной памяти: к постановке проблемы	60
--	----

Издательский портфель

<i>В.Ю. Бабулевич</i> Использование научной библиографии для уточнения фокуса и метода междисциплинарного исследования	78
---	----

Abstracts	86
-----------	----

Сведения об авторах	92
---------------------	----

CONTENTS

Spanish America: the meeting of the Old and New World

- Kosichenko Ivan N.*
To the output of the second Latin American heading 9
- Ryabova Dar'ya Yu.*
Scientific views of the ancient Maya 12
- Tripolko Sof'ya O.*
Dual faith and religious syncretism in 16th–17th centuries
Yucatan according to “Informe contra idolorum cultores
del obispado de Yucatán” by Pedro Sanchez de Aguilar 18
- Emtsova Anastasiya V.*
The evolution of the interpretation
of the apparition of Our Lady of Guadalupe
in New Spain in the 16th–17th centuries 24
- Klimov Nikolai S.*
New Spain coin production 33

Historical memory policy

- Koroleva Anastasiya A.*
Deconstruction of the soviet concept
of Decembrism in modern Russian historiography 39
- Kolesnichenko Diana V.*
Propagandistic activities of the Telegraphic agency
of the Soviet Union during the Great Patriotic War 43
- Stytsenko Aleksei S.*
The group for perpetuating the memory
of Soviet citizens who fought fascism
on the territory of European countries in 1976–1989 52

Sidorova Tat'yana Yu.
The politics of memory
of the Holocaust in Modern Russia:
features and prospects 56

Arsen'ev Nikolai S.
The revival of the Russian Cossacks
as a mechanism for the reconstruction
of cultural memory 60

Publishing portfolio

Babulevich Viktoriya Yu.
Research bibliography as a tool
of clarifying research scope and method:
Addressing the practice of audiovisual translation in Russia 78

Abstracts 86

General data about the authors 93

Испанская Америка: Встреча Старого и Нового Света

И.Н. Косиченко

К выходу второй латиноамериканской рубрики

Развитие и поддержка студенческих научных исследований в поле истории Латинской Америки является одним из приоритетных направлений работы Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова. В настоящем номере журнала «Гуманитарный акцент» мы рады представить вам подборку исследований, осуществленных за прошедший год студентами направления «История и культура Латинской Америки».

Стоит отметить, что практически все представленные статьи связаны с эпохой испанского владычества в Америке, и это не случайно. История испанских Индий оказалась в отечественной историографии практически забыта, на наш взгляд, совершенно незаслуженно, ведь именно в этот период формируются основы развития общества, экономики, государства и культуры в латиноамериканском регионе. Студенты Мезоамериканского центра, посвятившие свои первые шаги в науке исследованию этого многогранного и сложного периода, вносят свой посильный вклад в развитие этого направления при поддержке преподавателей и научных сотрудников центра.

Большая часть статей, составивших предлагаемую вниманию читателя рубрику, посвящена одной из основ функционирования общественных структур – культуре, во всем многообразии ее проявлений в жизни социума. В последующих статьях раскрываются такие заслуживающие внимания темы, как взаимосвязь религиозной культуры и систематизации эмпирических представлений об окружающем человека мире в традиционном обществе; столкновение миров, нашедшее отражение в адаптации культуры, оказавшейся в подчиненном положении, к давлению культуры пришедшей и доминирующей; формирование на основе господствующей экзогенной религии одного из ключевых культов региона, по-разному воспринимавшегося и интерпретированного этно-

социальными группами населения. Несколько выбивается из общей тематики заключительная статья рубрики, посвященная экономическим основам развития рассматриваемого общества. Практически все из рассмотренных авторами культурных, социальных или экономических феноменов нашли свое прямое или косвенное продолжение в последующих периодах в истории региона и даже в современности.

Рубрику открывает статья Дарьи Рябовой, посвященная компаративному анализу религиозных практик в традиционных обществах Старого и Нового Света и их влиянию на формирование «картины мира» – систематизации эмпирических знаний о мире, их использовании и репрезентации в экономической и политической жизни общества, в данном случае народа майя. Автор продолжает исследовательскую линию, основанную отцом отечественной майянистики Ю.В. Кнорозовым и развиваемую по сей день директором Мезоамериканского центра, профессором Г.Г. Ершовой.

Продолжает рубрику статья Софьи Триполко, посвященная проявлениям религиозного синкретизма среди майя полуострова Юкатан, зафиксированным в одном из ключевых источников по истории культуры и религии региона в XVI–XVII вв. – труде П. Санчеса де Агиляра, посвященному идолопоклонству на Юкатане. Автор развивает традиционное для отечественной мезоамериканистики и латиноамериканистики направление изучения истории коренных народов Америки, основываясь на трудах испанских завоевателей, священников и чиновников. На основе предоставленных отцом Агиляром сведений автор статьи выделяет основные аспекты взаимодействия западноевропейского христианства конца XVI в. и традиционных верований юкатанских майя, породившие в результате существующие в регионе по сей день синкретические религиозные практики.

Следующая статья Анастасии Емцовой продолжает и расширяет тему взаимопроникновения культур коренного населения Америки и испанцев. Автор анализирует возникновение одного из важнейших культов христианского мира и основы идентичности жителей Нового Света – культа Девы Марии Гваделупской. Автор ставит достаточно жесткий исследовательский вопрос: кто, как и когда начал использовать культ для утверждения своей исключительности в христианском мире; с этой целью проводит компаративный анализ сохранившихся источников как испанского, так и индейского происхождения по вопросу возникновения традиции почитания регионального варианта христианской богоматери.

Завершает рубрику статья Николая Климова, поставившего своей целью взглянуть на испано-американское общество с материальной стороны. Появление стандартизированных наличных денег стало беспрецедентным переломом в экономической истории Америки от аргентинской пампы до шахтерских поселений северной Мексики. Именно это испанское нововведение автор анализирует на примере монетарной политики испанской короны

в вице-королевстве Новая Испания. С опорой на разнообразные исторические источники, подтверждаемые данными нумизматики, автор выявляет основные особенности имперской монетарной политики в крупнейшем и важнейшем из королевств испанских Индий, а также те социально-экономические последствия, которые эта политика имела в новоиспанском обществе.

Работы молодых исследователей, вошедших во вторую латиноамериканскую рубрику журнала «Гуманитарный акцент», продолжают и развивают основные направления исследований, ведущиеся в настоящий момент научными сотрудниками и преподавателями Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова. Остается лишь выразить надежду на то, что студенты нашего центра продолжат развивать свои направления исследования и обогатят отечественную и зарубежную латиноамериканистику новыми работами по истории региона.

Д.Ю. Рябова

Научные представления древних майя

Статья посвящена анализу научных, календарно-астрономических и религиозных представлений, их форме репрезентации в древней Мезоамерике в сопоставлении с результатами аналогичных феноменов Старого Света, представленных в виде культов. Данное направление выбрано неслучайно, поскольку научные знания древности, преподносившиеся в форме мифов и обрядов, религиозных представлений были заложены в основу формирования определенной картины мира. Ключевую роль в данном процессе сыграла одна из наиболее развитых общностей доколумбового периода – древняя цивилизация майя, которая благодаря своим математическим расчетам и астрономическим наблюдениям даровала современной науке новую модель мира и значительный интерес к изучению археоастрономии в целом. Работа опирается на данные дешифрованных Ю.В. Кнорозовым рукописей майя, благодаря которым стала ясна сущность многих аспектов мифологии майя. В статье также проанализирован эпос киче «Пополь-Вух», который содержит в себе образы религиозных верований и отражает представления о дуалистичности космоса у народа майя, что позволяет проанализировать мифы древней цивилизации о возникновении человека и истории его существования. Немаловажным источником стал также труд миссионера-францисканца Диего де Ланды – «Сообщение о делах в Юкатане».

Ключевые слова: древняя Мезоамерика, Старый Свет, культы, модель мира, археоастрономия, мифология, дуалистичность космоса майя

Мифология (как форма человеческого сознания) и религиозные представления различных народов древности являлись основным источником получения информации. Более века назад этнографами была выявлена закономерность – единообразие культов и идентичность их генезисов¹. Создание культов и поклонение им оказало большое влияние на формирование, а впоследствии на пересмотр религиозной картины мира, на процесс формирования сознания как одного человека, так и человеческих сообществ.

¹ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. М., 2015. 430 с.

Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М., 2017. 799 с.

Ключевым для вышеуказанной картины мира является *культ предков*, который получил повсеместное распространение и вызвал достаточное количество споров между этнографами: Герберт Спенсер² утверждал, что именно данный культ являлся основой религии, так как человек открыл в себе существование души благодаря концепции смерти, откуда свое начало взял анимизм (основа религий)³. Это утверждение впоследствии было подвергнуто критике со стороны других ученых, в числе которых был российский этнограф Лев Яковлевич Штернберг⁴.

Анимистическое восприятие мира имело широкое распространение. Из одухотворения неодушевленной природы возник культ камней, скал и гор, который занимал особое место в религиозной жизни жителей Древнего Египта. Особое место в ряде культов было уделено растениям и деревьям, так как они имели свойство возрождаться. Большой популярностью данный культ пользовался среди древних греков. Так, согласно мнению Л. Фарнелла⁵, первого историка, чье внимание привлекла религия Греции, культ деревьев у данного народа был как самым первым, так и самым последним. Позже такая же тенденция возникает и у народов южной и Центральной Азии, а именно у индусов, для которых цветок лотоса по сей день является символом силы.

Как и другие религиозные представления, культ растений со временем прошел несколько стадий эволюции. Пик его популярности был связан с идеей *мирового древа*, которое для всех народов являлось моделью организации пространства (вертикальная и пространственная, олицетворяющая стороны света). Для каждого общества оно имело определенный вид и функцию: жители Вавилонии отождествляли его с Раем, для древних майя мировое древо было связующим звеном верхнего и подземного миров, где после смерти душа умершего человека вела такую же жизнь, как и в мире живых⁶.

Следующим по своему распространению являлся культ животных (который проявлялся, в частности, в тотемизме), поскольку люди воспринимали их как себе подобных. Их считали богами, поклонялись, делая подношения, возводили храмы, что впоследствии привело к оформлению определенных научных знаний, которые в первую очередь были заложены в астрономический аспект: созвездия. Данная эндемика являлась универсальной для всех народов древности, в том числе для цивилизации майя.

Стоит отметить, что народы Древнего мира придавали религиозное значение не только материальным объектам на земле. Они по-особому относились к воздушной сфере, составляющей небесный свод. Древние общества имели достаточно глубокие практические астрономические знания. Больше всего внимания они уделяли крупным светилам: Солнцу и Луне, а также другим планетам, которым также со временем начали поклоняться. Данные объекты также являлись олицетворением живых существ. Это анимистическое представление сохраняется в Древнем Египте, Вавилоне и других странах до самых поздних времен.

В представлениях всех древних обществ существовали знания о Солнце и Луне как о парных существах, причем одно из светил

² Спенсер Г. Основания социологии. СПб.: Тип. В. Демакова, 1876. Т. 1. 505 с.

³ Тэйлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ., вступ. ст. В. Никольского. М., 2009. 464 с.

⁴ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции / Под ред. Я.П. Алькора. М., 2018. 592 с.

⁵ Farnell Lewis Richard. The Cults of the Greek States. [б. м.]. 1896 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=K-ZOn2e-18oIC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_book_other_versions#v=onepage&q&f=false (дата обращения 08.10.2021).

⁶ Ершова Г.Г. Фрай Диего де Ланда. Древние Майя: уйти, чтобы вернуться. М., 2000. С. 312.

включало в себя мужскую силу, другое – женскую; у одних народов Солнце являлось мужчиной, а Луна – женщиной⁷. Более важным и универсальным являлся культ Луны. Она привлекала большее внимание людей, нежели Солнце, так как от ее воздействия менялась привычная им окружающая среда: усиливался рост растений, происходили морские приливы и отливы, понижалась температура, возникала роса, от Луны зависела периодичность менструации у женщин, рассчитывалась беременность и само рождение человека⁸. То есть фазы Луны, которые нам кажутся обычным природным явлением, обществам того времени казались чем-то поразительным и ассоциировались с перерождением этого светила (концепция смерти и воскрешения). В связи с этим у народов Древнего мира возникло множество поверий. Например, в Греции и Риме земледельцы знали, что нужно сеять, когда Луна находится в фазе нарастания, а собирать урожай – в фазе ее убывания, после полнолуния⁹.

Проанализировав вышеупомянутые культы, можно сказать, что религия являлась чем-то большим, чем просто следование обрядам, приношение жертв ради подавления некоей греховности или же поклонения богам. Религия прежде всего была оформлением научных знаний и познания самого себя.

Впоследствии начало формироваться такое научное направление, как археоастрономия, закрепившая свой официальный статус в начале XX в. Благодаря своим методам она способствовала актуализации проблем древней астрономии и археологии¹⁰, их развитию посредством изучения научных знаний в древних обществах. Ключевым обществом стала древняя цивилизация майя, известная, в частности, своими математическими и астрономическими знаниями: календарь, календарное летоисчисление и зодиак.

Если обратиться к эпиграфическим данным, то можно сделать вывод, что наиболее изученным к нашему времени являются календарь и календарное летоисчисление¹¹, фиксирующие астрономические циклы. Такая тенденция (фиксация событий в пределах отрезков времени) была свойственна раннегосударственным обществам, чьи знания в отличие от архаических уже являлись геоцентричными. Исходя из этого, у формировавшихся государств возник интерес к изучению астрономических объектов. От календарной системы майя зависела жизнь населения. Так, например, крестьянину нужно было знать, когда сажать, когда сеять; мореходу была важна информация о появлении полной Луны, урагана или затмения. Этим ведали жрецы-астрономы, которые обосновывали данные процессы не только ведением астрономических исследований, календарных подсчетов, но и религиозным влиянием, так как майя представляли богов¹² так же, как и первобытные люди. Как в свое время писал Дж. Фрезер: «Их жизнь находилась под воздействием внешних сил, которыми они не могли управлять, но понимали некоторые их законы»¹³. Майя практически во всем видели религиозное происхождение, считая, что даже астрология и их календарь были изобретены богами¹⁴. Также у древней цивилизации было свое представление о создании и сохранении мира¹⁵,

⁷ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции / Под ред. Я.П. Алькора. М., 2018. С. 502.

⁸ Там же. С. 504.

⁹ Там же.

¹⁰ Обридо В.Н. Некоторые замечания о месте археоастрономии в астрономии // Астрономия древних обществ: Материалы конф. / Под ред. Т.М. Потемкиной, В.Н. Обридо. М., 2002. С. 45–46.

¹¹ Еришова Г.Г. Указ. соч.

¹² Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975. С. 7.

¹³ Фрезер Дж.Дж. Указ. соч. С. 578.

¹⁴ Мифы индейцев Центральной Америки: Пополь-Вух; Родословная владык Тотоникапана / Пер. с языка киче, коммент. и послесл. Р.В. Кинжалова. Екатеринбург, 2006. С. 9.

¹⁵ Ланда Д. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 168.

которое практически было идентично ветхозаветному сюжету о Всемирном потопе.

Что касается эволюции календарной системы, то она постоянно уточнялась. Было совершено много попыток ее модернизации, которые позже были обозначены в виде календарных реформ. Первая была проведена в 354–338 гг. до н. э. и подразумевала введение 260-дневного цикла, состоящего из 13-дневной недели и 20-суточных месяцев («виналь»¹⁶), каждый из которых носил собственное имя. Его также называли «цолкин» или священный календарь. Он позволял вести точную датировку дней, что было важно для хозяйственных и государственных дел¹⁷.

Вторая реформа относится к 179 г. до н. э., – ее назвали «великой», так как она включала сразу несколько преобразований: введение девятидневной лунной недели; введение 18-месячного года; упорядочение лунного календаря, который, как уже упоминалось, занимал важное место в жизни майя. В частности, он являлся основой реинкарнационных представлений и по нему вели счет времени нахождения души умершего в загробном мире для подготовки к возвращению души во вновь родившемся образе¹⁸. Также данная реформа включала в себя введение 365-дневного года (он носил название «хааб»), продолжительность которого была на четверть суток длиннее. Исходя из этого, уже в наше время каждый четвертый год называется високосным. Помимо вышесказанного данная реформа подразумевала собой введение 52-летнего цикла. Данная система летоисчисления была единственной, которая имела недостатки: фиксация событий, превышающая по продолжительности пятьдесят два года, на определенные промежутки времени была невозможна¹⁹, поэтому данный цикл не считался эффективным.

Третья и четвертая реформы не предполагали нововведений. Единственное, к чему они привели, – к установлению единой даты начала лунного цикла. На принятии этого решения настаивали жрецы, так как помимо беременности, менструации у женщин и реинкарнационных представлений лунный цикл был основой формирования предсказаний²⁰. Предположительным днем начала данного цикла в Мезоамерике считался день *неомении* или новолуния первого дня²¹.

Помимо циклов, регулирующих жизненные процессы майя, для этой древней цивилизации также был важен пояс зодиакальных созвездий. До сих пор астрологи ведут споры о том, когда возник зодиак и как о нем узнали мезоамериканцы.

Американский этнолог С. Хэгар²² опроверг гипотезу о том, что народ майя мог получить данные астрономические знания путем миграций, так как процессы возникновения зодиака у других народов древности были обоснованы либо нововведениями в их быту или же эти знания передавались в качестве культурного наследия²³.

Перейдя к разбору зодиакальных созвездий, стоит отметить, что животные зодиакального пояса майя отличались от животных Старого Света, которые известны нам и сегодня: Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог и Водолей. Также можно упомянуть созвездие Змееносца, ко-

¹⁶ Там же. С. 165.

¹⁷ Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя. Общий обзор. I // Советская этнография. 1971. № 2. С. 81.

¹⁸ Еришова Г.Г. Указ. соч. С. 385.

¹⁹ Ко М. Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты / Пер. с англ. З.М. Насоновой. М., 2019. С. 62.

²⁰ Еришова Г.Г. Указ. соч. С. 38.

²¹ Там же. С. 392.

²² Hagar S. The American Zodiac // American Anthropologist. 1917. No. 4. Vol. 19. P. 518–532.

²³ Spinden H.J. The question of the zodiac in America // American Anthropologist. 1916. No. 1. Vol. 18. P. 53–80.

торое располагается между Скорпионом и Стрельцом, нарушая деление года.

Зодиакальный пояс майя включал в себя такие созвездия, как: Гремучая Змея, Черепаха, Скорпион, Сова, Змей с хоботком, Попугай, Лягушка, Летучая Мышь вниз головой, Обезьяна, Ягуар²⁴. Позже были восстановлены недостающие созвездия: Кабан, Олень, Белка²⁵. Название созвездий зодиака в честь животных было обусловлено тем, что издревле в мезоамериканской культуре (мифологии) существовали духи-хранители – нагуали (или далекие тотемные предки – животные), чаще всего изображавшиеся в виде ягуара, орла, койота.

В духовных представлениях майя знаки зодиака находились к Северу и к Югу друг от друга. То есть из данной концепции происходит другая, связанная с мировым деревом, о которой было сказано выше. Оно служило не только неким «жизненным ориентиром» для древней цивилизации майя, но и символизировало мир мертвых (корни дерева) и мир живых (крона дерева). Исходя из этого, созвездия также были поделены: Кабан, Олень, Обезьяна, Ягуар, Белка относились к «жизненной» сфере человека, так как являлись млекопитающими, а Лягушка, Попугай, Пернатый Змей, Сова, Скорпион, Черепаха и Гремучая Змея – к подземному миру, так как многие из данных животных могли менять свое место обитания. Также в религиозных представлениях майя существовал еще мир «переходный» из одного состояния в другое. Он всегда представлял из себя пещеру, которая идентифицируется с рептилией, а та в свою очередь с Млечным путем²⁶.

Стоит отметить, что для майя Млечный путь являлся «осью» эклиптики зодиакального пояса и также был источником религиозных верований древней цивилизации. Изначально для майя он являлся моделью мира, с ним были связаны все жизненные циклы людей. То есть он представлял собой «реинкарнационную» концепцию²⁷. По мнению Г.Г. Ершовой, майя воспроизвели эту модель в своем видении зодиака. Млечный Путь – путь умерших в пространстве от рождения к смерти и возрождению – делил Зодиакальный пояс на две неравные части²⁸.

Майя на протяжении всего времени старались поддерживать свои религиозные взгляды и веру в переселение душ умерших, поэтому некоторые из своих храмов посвящали знакам зодиака²⁹. Примером может послужить храм Ягуаров в Чичен-Ице³⁰ или же храмы в Митле и Нью-Мехико. Еще одним важным сооружением является пирамида Кукулькана, посвященная культу Пернатого Змея³¹.

Можно сказать, что зодиакальный пояс майя – универсальное явление, которое древняя цивилизация смогла связать со многими своими религиозными представлениями, тем самым объяснив их роль и их значение для людей. То есть зодиак майя является мировоззренческой основой астрономических представлений древней цивилизации.

По результатам проведенного исследования можно сделать выводы, что все вышерассмотренные объекты духовной или научной

²⁴ Кнорозов Ю.В. Парижская рукопись // Иероглифические рукописи майя. Л., 1975. С. 23–24.

²⁵ Ершова Г.Г. Указ. соч. С. 425.

²⁶ Там же. С. 419.

²⁷ Там же. С. 421.

²⁸ Там же. С. 424.

²⁹ Hagar S. The maya Zodiac at Acancheh // American Anthropologist. 1914. No. 1. Vol. 16. P. 88–95.

³⁰ Мифы индейцев Центральной Америки... С. 72.

³¹ Sánchez Nava P. Astronomía, calendario y agricultura // Arqueología mexicana. 2012. Núm. 118. Vol. 19. P. 46–55.

сферы народов древних государств обладали корреляционной зависимостью, которая способствовала становлению модели мира. Эта картина создавалась всеми народами древности в целях организации полноценной хозяйственной деятельности. Древней цивилизации майя удалось самостоятельно создать в Новом Свете модель мира в виде не только своих религиозно-идеологических представлений, но и с использованием древних методов познания окружающего мира, используя язык данных представлений. Помимо этого, иная модель мира подразумевает собой перенос мифической идеологии майя на их интеллектуальную сферу жизни (возникновение циклов и календарного летоисчисления), которая, в свою очередь, оказывала сильное влияние на социальную жизнь.

С.О. Триполко

Двоеверие и религиозный синкретизм
на Юкатане на рубеже XVI–XVII вв. по сведениям
«Informe contra idolorum cultores del obispado
de Yucatán» Педро Санчеса де Агиляра

Статья посвящена анализу проявлений религиозного синкретизма, характерного для индейского населения Юкатана в раннеколониальный период. Исследование основывается на отчете о борьбе с пережитками языческих верований на востоке провинции Юкатан, составленном Педро Санчесом де Агиляром (1555–1648), выдающимся представителем новоиспанского духовенства раннеколониального периода. Эта работа не только отражает позицию самого автора, занимавшего высокие посты в церковной иерархии, относительно успеха христианизации юкатанских майя, но также содержит описание религиозной обстановки на полуострове в конце XVI – начале XVII в. и описывает конкретные случаи проявления религиозного синкретизма в среде индейского населения. Предлагаемый в статье анализ таких случаев позволил выявить особенности восприятия католической веры индейским населением, а также ключевые аспекты европейской религиозной доктрины, интегрированные индейцами майя в новый синкретический комплекс религиозных воззрений, в котором смешались традиционные верования майя и христианское богословие. Анализ труда Агиляра представляет научный интерес также с той точки зрения, что зафиксированные в нем результаты христианизации индейцев относятся ко времени, когда майя уже несколько поколений жили под властью испанцев и католического духовенства, таким образом, выявленные им элементы доиспанских религиозных практик возможно считать имевшими наибольшую ценность для майяской культуры и обладавшими наибольшей устойчивостью в условиях постоянного давления доминирующего европейского христианства.

Ключевые слова: Новый Свет, Новая Испания, христианизация, майя, религиозный синкретизм, двоеверие

С момента завершения Конкисты и до наших дней культура Нового Света формировалась на основе смешения двух традиций – индейской и испанско-католической. Своей важнейшей миссией испанцы считали христианизацию индейского населения, поэтому сразу по окончании завоевания на материк стали прибывать представители духовенства, которые начали активно

руководить религиозным воспитанием индейцев. Оно проникало во все сферы жизни с самого малого возраста неофитов, имея целью сделать их преданными последователями католической веры. Однако исконные верования оказались невозможно искоренить окончательно, и продолжительное время индейцы существовали в ситуации двоеверия: будучи крещеными христианами, многие из них остались верны своим старым богам и культурам вплоть до новейшего времени¹. На этом фоне разгоралась борьба церковной и светской властей за утверждение юрисдикции над коренным населением.

Защита своих интересов и положения порождала борьбу между конкистадорами, энкомендеро и королевскими чиновниками; при этом каждая из этих групп в отдельные периоды времени конфликтовала с церковью. Отношения варьировались в зависимости от обстоятельств и затронутых имущественных интересов: энкомендеро вступали в конфликт с церковью из-за сбора налогов, а церковь боролась с государственным аппаратом за право суда над индейцами, которые страдали сильнее всех в каждом из конфликтов. Главная задача всех этих противоборствующих групп заключалась в том, чтобы добиться включения индейского населения в новые социально-экономические структуры в качестве субъекта, составлявшего основу общества и экономики и обеспечивавшего дальнейшее процветание колоний². Особо острой проблемой было определение того, кому должно принадлежать право управления и наказания индейцев. Вскоре после завоевания, энкомендеро и другие представители светской власти начали соперничать с духовенством за власть над индейцами и осуждали растущее влияние церкви. Возмущение также вызывали постоянные жалобы на жестокое обращение с коренным населением, а общественная мысль того времени была направлена на признание того, что индейцы заслуживают более гуманного и справедливого отношения.

В этих обстоятельствах проходил неравномерный и сложный процесс христианизации. Местные религии, идолопоклонство и другие проявления вероотступничества являлись постоянной заботой церкви, а значит, и короны, поскольку от положения индейцев напрямую зависело благополучное существование колоний. Несмотря на всю бдительность не только представителей духовенства, но и энкомендеро, ответственных за религиозное образование, индейцы по-прежнему оставались верны своим древним богам и религиозным обычаям. Эта привязанность оказалась так глубока и трудно искоренима, что сохранилась до наших дней. Хотя церковь могла навязать внешнее исполнение требуемых обрядов, она не могла управлять коренным населением на духовном и эмоциональном уровнях. Индейцы продолжали поклоняться идолам, проводить церемонии и жертвоприношения в пещерах и на маисовых полях, употреблять церемониальный напиток бальче³, приготовление которого было запрещено. Проблема осложнялась тем, что индейцы смешивали христианские элементы со старыми местными обычаями, поклонялись своим собственным божествам под церковным алтарем, делая вид, что отправляют христианские обряды⁴.

¹ Косиченко И.Н. Государственные проекты идейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 2 (12). С. 53–62

² Cruz Soto I.G. Inquisidores virtuales, Los indios bajo la justicia ordinaria // Inquisición Novohispanica. Vol. 1. México, 2000. P. 219.

³ Ритуальный алкогольный напиток индейцев майя, изготавливающийся на основе мёда с добавлением коры дерева лонхокарпус фиолетовый (*Lonchocarpus violaceus*) (юк. balche).

⁴ Gubler R. El Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatán // Estudios de cultura maya. 2007. Vol. 30. P. 116.

Эту проблему двоеверия и наложения одних религиозных традиций на другие не смог решить даже институт инквизиции, утвержденный вскоре после завершения Конкисты. Причин этому было несколько: во-первых, для коренного населения, незнакомого с европейскими институтами власти, инквизиция не являлась авторитетом; во-вторых, работе инквизиции мешали внутренние конфликты, связанные с соперничеством за полномочия, – все это осложняло и замедляло проведение инквизиционных процессов. Очень быстро отсутствие контроля и бесчинства, совершенные церковью, вынудили испанскую корону установить более строгий порядок в работе инквизиции. В 1560 г. епископам было приказано избегать превышения полномочий инквизиционных прокуроров, а также было запрещено осуществлять суд над индейцами, проживающими на территориях, не подчиненных конкретному священнику, то есть определялись территориальные границы судебно-инквизиционных участков⁵. Далеко не последнюю роль сыграло численное превосходство индейцев – инквизиторы просто не были способны уследить за всеми вероотступниками.

Многие представители духовенства, приехавшие на колониальные территории, оставили после себя работы, посвященные этнографическим описаниям региона или раскрывающие подробности своей религиозной деятельности. Эти труды являются важным и зачастую основным источником изучения раннеколониальной истории Испанской Америки.

Одной из таких работ является подробный отчет Педро Санчеса де Агиляра «Против почитателей идолов епископства Юкатан» (*“Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatan”*), опубликованный в 1639 г. и посвященный деятельности инквизиции на п-ове Юкатан в конце XVI – начале XVII в.⁶ Он отражает религиозную ситуацию, царившую на полуострове, и поднимает вопросы, связанные с «возрождением идолопоклонства», касающиеся непосредственно самого процесса христианизации и его успеха, а также размышляет над спором между двумя юрисдикциями – светской и церковной и вытекающими из этого спора проблемами в колонии. Это одно из первых исследований такого масштаба, посвященное проблеме идолопоклонства.

Педро Санчес де Агиляр (1555–1648) за свою жизнь побывал почти на всех важных постах церковной иерархии. В разные периоды он занимал должности бенефициального священника, провинциального викария, временного судьи и генерального викария, декана церковного совета и др. – почти все, кроме должности епископа. Большую часть своей жизни он провел в колониях, находясь в системе на разных позициях и активно участвуя в процессе религиозного воспитания; был свидетелем множества событий колониального мира⁷. *“Informe”* отражает жизнь и образ мышления автора, а если говорить про него самого, то стоит учитывать, что Агиляр, будучи знакомым с территорией Юкатана и местным населением, проживающим на ней, владел языком майя, а также построил серьезную церковную карьеру, поэтому можно считать его в высшей степени квалифицированным для того, чтобы давать оценки и высказывать суждения по теме.

⁵ Cruz Soto I.G. Op. cit. P. 220.

⁶ Sánchez de Aguilar P. Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatan. Dirigido al Rey N. señor en su real Consejo de las Indias. Madrid: Viuda de Juan Gonzalez, MDCXXXIX. Mérida: E.G. Triay, 1937. 124 p.

⁷ Gubler R. Op. cit. P. 108–109.

Основная задача Агиляра состояла в убеждении читателя в том, что только церковь может отвечать за судьбу индейцев-идолопоклонников, и именно этот вопрос он рассматривает на протяжении всего источника. Само явление идолопоклонства является одной из важнейших причин, по которой церковь должна сосредоточить в своих руках контроль над индейскими общинами. В отличие от церковных авторов первого этапа христианизации, таких как Диего де Ланда (1524–1579) или Бартоломе де Лас Касас (1484–1566), Санчес де Агиляр не вел записей о местных обычаях и верованиях, с которыми боролся в течение долгих лет своего пребывания в должности приходского священника, и полагал, что эти сведения недостойны записи⁸. Тем не менее, размышляя на тему идолопоклонства, автор оставил некоторые примеры, которые могут быть рассмотрены с точки зрения смешения религий.

Несмотря на то что Санчес де Агиляр характеризует ситуацию с христианизацией как «плачевную», данные, которые он приводит в своем произведении, демонстрируют, что к рубежу XVI–XVII вв. христианская вера достаточно прочно закрепилась среди майя: «на всем этом полуострове нет ни одного индейца, который бы не принял нашу веру»⁹. Религиозное воспитание проникает во все сферы жизни индейцев. Важную роль здесь сыграло то, что проповедники были обучены местным языкам: «никогда раньше не было у индейцев такого множества священников и проповедников»¹⁰, которые говорили бы на родном языке индейцев. Особую роль в этом сыграл францисканский орден, проповедники которого главным образом отвечали за христианизацию во второй половине XVI в.

Главной частью воспитания было знание церковной догматики и молитв, которым индейцев обучали с самого детства. Автор перечисляет обязательную для изучения программу. Итак, каждый индеец должен знать и уметь декларировать: воскресную молитву, молитву «El Dios te salve, María», «Символ веры» (El Credo) и «Богородица» (La Salve), Декалог, или десять заповедей, 14 статей веры (Los Artículos de la Fe) – список фраз-убеждений, обычно начинающихся с фразы «мы верим», определяющих фундамент богословия церкви, смертные грехи, дела милосердия, таинства и заповеди церкви, общее вероисповедание (la Confesión general), который Диего де Ланда перевел на язык индейцев¹¹. Священник пишет, что «нет такого воскресенья, когда перед мессой индейцы, собравшиеся в церкви, не произносили бы их вслух. <...> Они заучивают их, знают и декламируют их, прекрасно осозная, какова воля Бога и что они должны делать, чтобы достичь вечной жизни»¹². Также индейцы поклоняются изображениям Девы Марии¹³.

Однако, несмотря на кажущееся внешнее соответствие новой вере, многие индейцы оставались верны своим древним богам, а обычаи и верования невозможно было полностью уничтожить.

Одним из основных проявлений синкретизма были многочисленные и разнообразные суеверия, которые «индейцы унаследовали от своих родителей»¹⁴. Эти суеверия были крепко закреплены даже в головах «добрых христиан». Санчес де Агиляр записывает их для того, чтобы священники в своей работе обращали на них

⁸ *Chuchiak IV J.F.* The Indian Inquisition and the extirpation of idolatry: The process of punishment in the Provisorato de Indios of the diocese of Yucatán, 1563–1812. Tulane University, 2000. P. 39.

⁹ *Sánchez de Aguilar P.* Op. cit. P. 10.

¹⁰ *Ibid.* P. 13.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.* P. 74.

¹⁴ *Ibid.* P. 13.

внимание и старались искоренить. Среди них он описывает восприятие снов как проявлений взаимодействия человека с миром духов и их толкование, а также более частные случаи: например, восприятие как злого предзнаменования крика птицы «Кипшоси». Согласно словарям староякатекского языка, <kip choh> это название одной из «вещих птиц, которых боятся индейцы»¹⁵, А. Баррера Васкес определяет ее как длиннохвостую кукушку пияйя (*Piaya cayana thermophila*)¹⁶. Другое поверье состояло в том, что необходимо положить камень в дупло дерева, чтобы прибыть в место назначения до заката, ведь так человек просит солнце не садиться так быстро¹⁷. Также викарий описывает то, как он объяснил индейцам что такое затмение и те перестали «заставлять собак выть» во время лунных затмений¹⁸.

Сильными оставались традиции колдовства. Индейцы-колдуны (*brujos*) занимались благословением рожениц и лечением больных, освящением домов, а также практиковали ряд заклинаний, подавляющих волю и затуманивающих рассудок¹⁹. В качестве лечения продолжалось использоваться кровопускание из языка и ушей, жертвоприношения, с чем пытались активно бороться²⁰. Санчес де Агиляр также описывает суеверия рыбаков провинции «Течемин» (т. е. Тисимин). Майя, проживающие на побережье, все еще приносили жертвы богам рыбной ловли и моря. Как местный викарий он задержал многих из этих рыбаков, приносящих жертвы и подношения этим богам, а также заявил, что арестовал нескольких жрецов майя, которые гадали с помощью костей акул и других рыб. У индейцев также существовала практика использования шипов скатов в качестве инструментов для кровопускания²¹.

Основной формой религиозного существования в то время для индейцев было двоеверие: индейцы могли быть и христианами, и язычниками одновременно. Лишь небольшая часть отрекалась от христианства и бежала в леса целыми семьями (к сожалению, автор не описывает эти случаи подробно, а просто упоминает между строк)²². Однако большинство существовало в рамках двух религий, пытаясь скрывать языческую сторону от священников и светских чиновников. Агиляр пишет, как кости одного христианина-индейца были эксгумированы и вынесены из церкви из-за того, что после смерти была доказана его причастность к идолопоклонникам²³ (Informe 1937, p. 62). Несмотря на резко негативное отношение церкви к идолопоклонству, провинившихся не отлучали от церкви, а возвращали обратно под контроль священника. Таким образом, индейцы оставались христианами даже при проведении языческих практик.

Религиозная система Мезоамерики была открытой и инклюзивной, восприимчивой к новому, а потому христианские мотивы не могли не проникнуть в языческие практики индейцев. Один из примеров такого взаимодействия, связанный с использованием папских булл в традиционных обрядах, получил достаточное внимание в современной историографии²⁴. Однако Санчес де Агиляр приводит еще ряд очень ярких случаев.

Первый приведенный им рассказ описывает осужденного в 1597 г. индейца-идолопоклонника Андреса Чи. Он утверждал, что

¹⁵ Bocabulario de Maya Than / Ed. de R. Acuña. México: UNAM, 1993. P. 132.

¹⁶ Diccionario Maya: Maya-Español: Español-Maya. México: Editorial Porrúa, 1995. P. 320.

¹⁷ Sánchez de Aguilar P. Op. cit. P. 58.

¹⁸ Ibid. P. 49–50.

¹⁹ Ibid. P. 58.

²⁰ Ibid. P. 64.

²¹ Chuchiak IV J.F. Op. cit. P. 311.

²² Sánchez de Aguilar P. Op. cit. P. 16.

²³ Ibid. P. 62.

²⁴ Chuchiak J. De Extirpatio Codicis Yucatanensis: The 1607 Colonial Confiscation of a Maya Sacred Book – New Interpretations on the Origins and Provenience of the Madrid Codex // Sacred Books, Sacred Languages: Two Thousand Years of Ritual and Religious Maya Literature / Rogelio Valencia Rivera and Geneviève Le Fort, (eds.). Markt Schwaben, 2006. P. 113–140; Beliaev D. Los códices jeroglíficos y la preservación de la cultura maya prehispánica en la costa oriental de la Península de Yucatán en los siglos XVI y XVII // Códices mayas: Historia de una civilización / Ed. por G. Ershova. Guatemala: CEMYK, 2020. P. 40–45.

является «еще одним Моисеем», а его миссия была открыта ему «святим духом Параклито». Он подстрекал индейцев уйти в сельву для того, чтобы поклоняться идолам²⁵. Santo Paráclito (Параклит, также Параклет; букв. «защитник, заступник») – это одно из наименований Святого Духа, отмеченное в Евангелии. Исходя из этого случая, можно предположить, что сам Андрес Чи был не просто поверхностно знаком с христианством, а глубоко интересовался библейскими сюжетами, да и в целом эта история пользовалась популярностью и импонировала индейцам, иначе он бы не стал использовать ее для достижения своей цели.

Но особое негодование викария вызвал прецедент с Алонсо Чабле и Франсиско Канулем. Он посвящает им немало места в своем сочинении и именует их не иначе как «Алонсо Чабле и Франсиско Кануль, великие еретики идолопоклонники и обманщики»²⁶. В 1610 г. Санчес де Агиляр обнаружил, что в селениях Вальядолид, Йалкоба и Теканшок два индейца, Альфонсо Чабле и Франсиско Кануль, выдавали себя за папу Римского и епископа²⁷. Осуждая двух индейцев перед викарием, свидетели сообщили, что они одевались как папа и епископ и совершали по ночам жертвоприношения в церкви (Дж. Чучьяк указывает, что это были олени и маленькие собаки²⁸). Сообщается, что они зашли так далеко, что использовали церковную утварь для распития бальче²⁹.

Таким образом, благодаря “Informe” можно проследить основные элементы развития религиозной ситуации в Новой Испании. Несмотря на то что главной целью автора было доказать исключительное право церкви на наказание индейцев-идолопоклонников, отчет содержит яркие детали повседневной жизни в ситуации контакта культур. На основании его данных можно выделить три основных варианта взаимодействия между двумя религиозными системам.

1. Полное отрицание христианства и сохранение языческих представлений; или же наоборот – отрицание местных религиозных культов в пользу христианства.

2. Модель двоеверия: майя перешли в христианство, отказались от веры в языческих богов, но при этом сохранились мелкие традиционные поверья, например толкование снов; обращение к колдунам в случае болезни и др. Позиция церкви по этому поводу была неоднозначна. С одной стороны, они не противоречили христианской вере, но с другой выставляли индейцев в глазах священников как невежественных дикарей.

3. Модель религиозного синкретизма: индейцы использовали библейские сюжеты и предметы церковной утвари в собственных ритуалах и жертвоприношениях, что в глазах церкви десакрализовало их. Хотя Санчес де Агиляр приводит всего два конкретных примера такого поведения, это не значит, что их было мало, поскольку священники стремились как можно меньше фиксировать такие вопиющие случаи на бумаге.

²⁵ Sánchez de Aguilar P. Op. cit. MDCXXXIX. [XV]. P. 84v.

²⁶ «Alonso Chable, y Francisco Canul, grandes hereges idólatras, y embusteros».

²⁷ Sánchez de Aguilar P. Op. cit. 1937. P. 73.

²⁸ Chuchiak J. The Indian Inquisition and the extirpation of idolatry. P. 461.

²⁹ Ibid. P. 462.

А.В. Емцова

Эволюция интерпретации явления Девы Марии Гваделупской в Новой Испании в XVI–XVII вв.

Статья посвящена сравнительному анализу интерпретаций явления Девы Марии Гваделупской в трудах новоиспанских и индейских авторов. Работа опирается, в первую очередь, на разнообразные письменные документы испанских и новоиспанских священнослужителей, а также на собранные ими показания людей, которые, по собственному утверждению, являлись косвенными свидетелями явления Девы Марии Гваделупской. Также были использованы документы, признанные Католической церковью и Конгрегацией по делам святых с XVII в., в которых упоминается существование Хуана Диго Куаутлатоатчина и явления Девы Гваделупской. В ходе исследования были выявлены особенности интерпретации предания о явлении Девы Марии Гваделупской в источниках испанского и индейского происхождения. Объектом исследования стало предание о явлении Девы Марии Гваделупской. Предметом исследования являются интерпретации предания представителями различных слоев населения в Новой Испании в XVI–XVII вв. Данная работа представляет собой синтез историко-генетического метода, позволяющего оценить в динамике развитие интерпретаций предания о Деве Марии Гваделупской, и компаративного, позволяющего выявить совпадения и противоречия в изложении определенных деталей, оценке роли личностей и т. д. В рамках избранной методологии были определены ключевые точки, на основе сравнительного анализа которых представляется возможным выявить эволюцию интерпретаций: год явления Девы Марии, являющийся пунктом расхождения в ряде источников, историчность Хуана Диго, согласно преданию, являвшегося непосредственным свидетелем явления, и вопрос преемственности культа мешикской богини Тонанцин и Богоматери Гваделупской, связанный с предположительным совпадением места отправления культа у подножия холма Тепейяк.

Ключевые слова: Новая Испания, религия, культурная традиция, Дева Мария Гваделупская, интерпретации, Хуан Диго

Базилика Гваделупы в Мехико – одно из самых почитаемых мест паломничества в католическом мире, ежегодно посещаемое миллионами посетителей. В центре этого культа находится самая известная икона в Америке, икона Богоматери Гваделупской, которая, как полагают, была чудесным образом запечатлена на

плаще бедного индейца по имени Хуан Диего (ныне канонизированный святой) в 1531 г. Фантастическое происхождение образа, за которым последовали тысячи чудес, которые он, как считается, творил на протяжении веков, легло в основу его всемирного почитания. В Мексике Гваделупа стала национальной иконой, олицетворяющей исключительную божественную милость, дарованную этой стране, и объединяющую людей индейского и европейского происхождения.

Предание о явлении Девы Марии Гваделупской на холме Тепеяк стало предметом дискуссии, в рамках которой выделяются два основных направления: «апариционизм» и «антиапариционизм». В основе антиапариционизма лежит идея ложности традиционной версии предания о явлении и отрицание историчности Хуана Диего. Основным аргументом представителей этого направления – отсутствие письменных свидетельств культа Девы Марии Гваделупской, которые можно было бы точно датировать периодом до 1550-х гг.: о нем не упоминают ни францисканец Хуан де Сумаррага, ни Бартоломе де лас Касас, ни иные авторы 1530–1550 гг. Многие современные ученые, в том числе некоторые консервативные католики, утверждают, что традиционное повествование о явлении Девы Марии Хуану Диего датируется не ранее семнадцатого века. Работа антиапариционистов часто воспринимается как оскорбление католической веры и мексиканской национальной идентичности. Некоторые из этих авторов характеризуют культ Гваделупы как попытку испанцев подчинить индейцев или подавить их культурную самобытность. Апариционисты, в свою очередь, придерживаются противоположной позиции и отстаивают мнение о том, что ко второй половине XVI в. культ уже сформировался. Свою позицию они основывают на существовании многочисленных хроник индейского происхождения.

Испанское завоевание стало причиной кардинального изменения существовавшей картины мира для многих жителей Мезоамерики. В сложившихся условиях возникла необходимость найти новые модели формирования культурной идентичности, соответствующие установившемуся порядку вещей, и для завоеванных испанцами индейцев одной из таких моделей стал культ Девы Марии Гваделупской. Однако ее образ стал ключевым элементом культурной и религиозной идентичности не только индейского населения, но и нарождавшейся этнокультурной группы американских испанцев – креолов.

Изучение исторических истоков культа и интерпретаций явления Девы Марии Гваделупской в трудах новоиспанских авторов представляется актуальным в силу того, что этот феномен религиозной жизни стал одним из основных инструментов выражения особой культурной и религиозной идентичности жителей и позволяет рассмотреть в динамике формирование местных моделей идентичности, претендовавших на общерегиональный охват.

Самая ранняя опубликованная версия предания о Деве Марии Гваделупской была написана падре Мигелем Санчесом (1606–1674) в 1648 г. под названием “*Imagen de la Virgen María, Madre de Dios de*

Guadalupe milagrosamente aparecida en la ciudad de México”¹. В своем анализе предания Санчес сделал упор на пророчество XII главы Апокалипсиса. Исходя из этого, представляются правомерными два вывода о цели создания источника. Во-первых, он писал о Богоматери Гваделупской, появляющейся в городе Мехико, а не на холме Тепеяк, в то время находившегося за чертой города. Чудесное явление, имевшее для него центральное значение, – это изображение Девы Марии на индейской накидке-тильме, которое впервые было явлено в резиденции епископа в Мехико. Во-вторых, автор не ставит своей задачей изложение предания как такового, концентрируясь на его богословской интерпретации. Стэффорд Пул, говоря о работе Мигеля Санчеса “La maravillosa aparición...”, приходит к выводу о том, что Санчес совершил культурную апроприацию исключительно индейского предания, адаптировав ее к культурным потребностям американских испанцев².

В своем описании базилики Девы Гваделупской П. Санчес начал с ее неслучайного географического расположения. Согласно индейским преданиям доиспанской эпохи на этой горе поклонялись идолу, которого называли матерью богов, или Тонанцин. Санчес считал положительным то, что Дева Мария положила конец идолопоклонничеству, и вместо доиспанских богов на этом месте начали прославлять Матерь истинного Бога, а также тот факт, что место, бывшее некогда вместилищем святотатственного алтаря, стало престолом пречистой Девы. Стоит отметить, что, согласно изложению Санчеса, поклонение доиспанской богине на этом холме, по-видимому, уже закончилось за некоторое время до явления Девы Гваделупской, предположительно – во время завоевания.

Однако П. Санчес считал, что явление произошло в городе Мехико, а не на холме Тепеяк, поскольку именно в городском доме епископа было обнаружено изображение. Как святой Иоанн получил свое откровение на острове Патмос, так и Хуан де Сумаррага получил свое откровение в городе Мехико, который был искусственным островом, построенным индейцами посреди озера.

Следующим источником является работа одного из четырех гвадалупанских евангелистов Луиса Бесерра Танко “Felicidad de México en el principio...”³. Во вступлении он не только указал на холм Тепеяк как на место, где божественный образ Девы Марии Гваделупской явился бедному индейцу Хуану Диего, но и конкретизировал его: «оконечность или острый гребень холмов, потому что он выделяется из других холмов, окружающих долину и лагуну города Мехико»⁴.

Что касается одного из источников работы Бесерры Танко, а именно «Informaciones de 1666», то необходимо отметить, что каждый из опрошенных свидетелей назвал именно холм Тепеяк местом явления Богоматери, что, в свою очередь, соответствует общепринятой традиции нарратива явления в различных источниках.

Бесерра Танко в своем труде привел и иные факты, имеющие, по его мнению, отношение к установлению истинности предания. Во-первых, он отметил, что в доиспанских индейских преданиях достаточно свидетельств того, что холм Тепеяк, где Пресвятая Дева

¹ *Sánchez M.* La maravillosa aparición de Santa Maria de Guadalupe: o sea La Virgen Mexicana. México, 1853. 226 p.

² *Poole S.* Our Lady of Guadalupe: the origins and sources of a Mexican national symbol, 1531–1797. Tuscon, 1995. P. 110.

³ *Becerra Tanco L.* Felicidad de Mexico en el principio, y milagroso origen, que tuvo el Santuario de la Virgen María N. Señora de Guadalupe... México, 1675. 86 p.

⁴ *Ibid.* P. 40.

явилась Хуану Диего, был местом культа богини по имени Теонтенанцин, «матерь богов». Следуя своим представлениям о языческих культах, Бесерра Танко утверждал, что дьявол принял обличье Теонтенанцин и присвоил себе титул, который по праву принадлежит Пресвятой Деве, с целью обеспечить поклонение себе.

В 1995–1996 гг. возобновились споры на тему «историчности» индейца Хуана Диего⁵. Различные направления изучения явления Девы Гваделупской определяли нарратив о явлении Хуану Диего либо как мексиканское, либо как Евангелистское. Это отчетливо выражено в изложении Санчеса. В то же время тщательное изучение исторической части предания, по мнению Брэдинга, ставило под угрозу его целостность⁶. Бесерра Танко также считал обоснованным то, что Божественное Провидение открылось недавно обращенным индейцам, а не епископу, монаху или любому другому важному лицу. Хуан Диего, бедный индеец скромного происхождения, по этой логике вполне подходил на роль адресата явления Богоматери⁷.

С другой стороны, каждый из свидетелей расследования 1666 г., задокументированного в «*Informaciones de 1666*»⁸, был убежден в том, что Хуан Диего реально существовал. Например, Андрес Хуан заявил, что Дева Мария явилась бедному индейцу Хуану Диего, и указал Тлайакак как его родной район. Также он сообщил, что этот скромный индеец считался святым человеком даже при жизни и казался паломником в своем тихом уединении. Прочие свидетели придерживались такой же точки зрения. По мнению авторов документа, не могло быть никаких сомнений в том, что Хуан Диего был реальной исторической личностью. Свидетели независимо друг от друга сообщали подробности его жизни, место происхождения⁹, а Маркос Пачеко показал, что его смерть была зафиксирована в документации церковного прихода¹⁰.

Таким образом, «*Informaciones de 1666*» содержат исторические свидетельства, но к ним следует подходить с осторожностью, поскольку речь идет о людях, которые были свидетелями не самих событий, а того, как другие рассказывали о них в устной или письменной форме. Тем не менее этот источник представляется подходящим для исследования интерпретаций, поскольку сам является интерпретацией.

Различные авторы по-разному интерпретировали предание о явлении Девы Марии. Некоторые видели в нем параллели с европейскими христианскими канонами. Другие – крипто-языческий культ доколумбовой богини. Изложение Санчеса¹¹ имеет ярко выраженную барочную стилистику. Будучи теологом, он стремился связать Деву Марию Гваделупскую с женщиной Апокалипсиса из Откровения 12. По мнению Стэффорда Пула, «криоллизм – центральная тема его рассказа... У него был мессианский взгляд на Мехико, и он стремился поставить его в один ряд с религиозными центрами католического мира»¹².

Действительно, в своей работе Санчес сравнивает архиепископа Сумаррагу со святым Иоанном Евангелистом, а Мехико – с Патмосом (островом, куда был сослан Евангелист). Женщина в от-

⁵ *Brading D.A. Mexican Phoenix: Our Lady of Guadalupe: image and tradition across five centuries. Cambridge, UK, 2001. 36 p.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Becerra Tanco L. Op. cit. P. 43.*

⁸ *Fortino Hipólito V. Informaciones sobre la milagrosa aparición de la santísima Virgen de Guadalupe, recibidas en 1666 y 1723. Amecameca, 1889. 112 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/008398996> (дата обращения 08.05.2021).*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Sánchez M. Op. cit. P. 179.*

¹² *Ibid.*

кровении Святого Иоанна дает рождение Церкви, и точно так же, утверждал Санчес, Дева Мария дала начало церкви в городе Мехико и позволила совершить завоевание Нового Света. Санчес видел параллель с откровением святого Иоанна и в том, что образ Гваделупской Девы был открыт епископу, которого также звали Иоанном (Хуаном). Эти сравнения с Писанием позволяют предположить, что П. Санчес интерпретировал имевшиеся данные о гвадалупанской традиции с точки зрения их интеграции в более широкую теологическую схему.

Дева Мария, как утверждал Санчес, была «помощницей конкистадора»¹³. Проповедники, паломники и религиозные авторы также прослеживали связь Гваделупской Девы с библейской женщиной, облаченной в солнце, что также является попыткой поместить ее в общую католическую библейскую традицию¹⁴. Все свои построения, касающиеся деталей и обстоятельств явления Богоматери, Санчес обосновывал ссылками на работы Блаженного Августина и других ранних христианских авторов¹⁵.

Некоторые историки предполагают, что образ Девы Гваделупской был переосмыслением доиспанской ацтекской богини Тонанцин, которой до завоевания поклонялись на холме Тепейяк. Они основываются на информации Бернардино де Саагуна (1499–1590), высказывавшего обеспокоенность по поводу возникновения в районе холма Тепейяк культа Тонанцин под прикрытием поклонения Деве Марии Гваделупской. Критика Саагуном культа в Тепейяке, по-видимому, основывалась на том, что местное население именovalo Деву Марию Тонанцин. Фрай Бернардино де Саагун упоминает об этом в одном из своих текстов¹⁶, указывая, что паломничество индейцев к этому месту сохранялось. По мнению Лафайе, в то время в Новой Испании верования «были нестабильным продуктом разнородных религиозных элементов неравных этнических групп», а также «сельские индейские общины..., по-видимому, были специфическими очагами появления синкретических верований, специфически мексиканских, и магических практик»¹⁷.

В первой части на основе компаративного анализа работ Мигеля Санчеса, Бесерра Танко, “Informaciones de 1556” и “Informaciones de 1666” было выявлено в целом общее стремление новоиспанских авторов к следованию существовавшей католической традиции, что выразилось в толковании гвадалупанского явления в контексте Священного Писания, а также стремление возвысить значение креолов в истории Новой Испании. В каждом из источников личность Хуана Диего и холм Тепейяк уходят на второй план, при этом главные детали, такие как год и появление образа перед архиепископом Сумаррагой, остаются неизменными.

Основной источник предположительно индейского происхождения “Nican Morohua”¹⁸ является одним из разделов большого общего нарратива под названием «Великое событие, в котором появилась Богоматерь Царица Небесная Святая Мария, наша любимая Мать Гваделупы, здесь, недалеко от города Мехико, в местечке под названием Тепейяк». Уже название акцентирует внимание на месте явления Богоматери Гваделупской: она появляется не просто близ

¹³ Poole S. Our Lady of Guadalupe: the origins and sources of a Mexican national symbol, 1531–1797. Tuscon, 1995. P. 106.

¹⁴ Matovina T. The Origins of the Guadalupe Tradition in Mexico. 2014. Vol. 100. No. 2. P. 260 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/43898605?read-now=1&seq=1> (дата обращения 30.05.2021).

¹⁵ Sánchez M. Op. cit. P. 179.

¹⁶ Саагун Б. Общая история о делах Новой Испании. Киев, 2013. 117 с.

¹⁷ Lafaye J. Quetzalcóatl y Guadalupe: la formación de la conciencia nacional en México. México: Fondo de Cultura económica, 1985. 206 p.

¹⁸ Nican Morohua: Here Is Told [Электронный ресурс]. URL: <https://pages.ucsd.edu/~dkjordan/nahuatl/nican/NicanMorohua.html> (дата обращения: 26.04.2021).

города Мехико, а именно на холме Тепейяк. В течение всего повествования о явлении Девы Марии Гваделупской в Nican Morohua упоминается название холма Тепейяк, в то время как М. Санчес на протяжении своего рассказа использует топоним «Гвадалупе».

Согласно датированным серединой XVI в. анналам авторов индейского происхождения, место явления Девы Марии Гваделупской соответствовало тому, которое описывается в “Nican Morohua”¹⁹, то есть в целом согласуется с установленной католической традицией повествования о явлении. В “Anales de México y sus contornos” (ААМС № 12)²⁰ запись гласит: «...привели Велику Госпожу Тепеяк, Богоматерь Гваделупскую», то есть напрямую место явления не указываются, но исходя из приставки «Тепеяк» логично предположить, что подразумевается холм под тем же названием.

В той же коллекции Рамиреса имеется документ под названием “Anales de México y sus alrededores” (ААМС, № 15)²¹, в котором описываются события в долине Мехико и районе к югу от Пуэблы с 1546 по 1625 г., в том числе упоминается, что «Благородная дама спустилась сюда, в Тепеяк...». Учитывая географические особенности данного документа, можно предположить, что Тепеяк здесь относится к месту с таким названием недалеко от Пуэблы.

Среди этой же коллекции²² можно найти два набора хроник, описывающих события в районе Пуэблы и Тлашкалы, к востоку от Мехико. Эти документы свидетельствуют о традиционных датах, месте явления Гваделупы и смерти Хуана Диего. Первый из двух документов под названием “Anales de Puebla y Tlaxcala” (ААМС, № 19)²³ охватывает период с 1524 по 1674 г. В данном документе информация о холме Тепейяк, как о месте явления, так и в общем смысле, отсутствует: «Наша Драгоценная Дорогая Мать из Гваделупы соизволила появиться там, в Мехико...». Вероятно, это также связано с определенными географическими характеристиками документа, так как, прежде всего, он относится к району города Пуэбла. Данное предположение подкрепляется тем, что в каждом документе этого свода хроник повествуется, что в год явления был основан город Куэтлашкопан (позже известного как Пуэбла, основание которого произошло в 1531 г.).

В церковном календаре (аньялехо), найденном в библиотеке Королевского университета Хосе Игнасио Бартолаче (1739–1790), упоминается явление Гваделупы в записи за 1531 г.: «...Хуану Диего соизволила явиться драгоценная Дева Мария Гваделупская из Мехико в местечке под названием Тепеяк». В отличие от предыдущих летописей, в “Añalejo de Bartolache”²⁴ конкретно упоминается холм Тепейяк в качестве места появления Гваделупы.

Одним из самых дискуссионных элементов в истории явления является вопрос о точной дате явления Девы Марии Гваделупской на холме Тепейяк. Католическая традиция считает, что появление образа Девы Гваделупской произошло в декабре 1531 г., через десять лет после падения Мехико–Теночтитлана. Эта дата записана в Nican Morohua²⁵. Общепринятая на данный момент традиция прослеживается также во всех рассмотренных источниках испанского происхождения. Однако, рассматривая иные интерпретации

¹⁹ Ibid.

²⁰ Anales Antiguos de México y sus contornos. № 12. P. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://virgendeguadalupe.org.mx/documentos-historicos/> (дата обращения 30.05.2021).

²¹ Ibid. № 15. P. 4.

²² Ibid.

²³ Anales de Puebla y Tlaxcala o Anales de los Sabios Tlaxcaltecas o Anales de Catedral. URL: <https://virgendeguadalupe.org.mx/documentos-historicos/> (ата обращения: 20. 05.2021).

²⁴ Añalejo de Bartolache o Manuscrito de la Universidad. P. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://virgendeguadalupe.org.mx/documentos-historicos/> (дата обращения 22.05.2021).

²⁵ Nican Morohua.

коренных народов Новой Испании, следует отметить тот факт, что индийские хроники, например, работа индейского чиновника Хуана Батисты “*Anales del Indio Juan Bautista...*”, содержат следующее утверждение: «В 1555 г.: в то время Святая Мария Гваделупская появилась там на Тепейякаке»²⁶.

В хронике Хуана Батисты также содержится описание торжеств, сопровождавших посещение святыни архиепископом Алонсо де Монтуфаром 15 сентября 1566 г. Такие сведения противоречат общепринятой дате явления, поскольку, во-первых, год явления, более чем на четверть века позже того, что указан в большинстве документов, во-вторых, в XVI в. главным религиозным праздником церкви в Вилья-де-Гвадалупе было Рождество Пресвятой Девы Марии, праздновавшееся 8 сентября, а не 12 декабря, когда, согласно традиционным версиям, образ явился архиепископу Хуану де Сумарраге. По-видимому, Хуан Баутиста никогда не связывал 1531 г. с Гваделупой, скорее для него поклонение началось в 1555 г.

Упоминание Девы Гваделупской содержится также в “*Anales de Chimalpahin или Relaciones de Chalco Amaquemecan. Séptima relación*”. Документ утверждает следующее: «12 Фланта 1556 г. И точно также в этом году наша драгоценная мать Святая Мария Гваделупская появилась в Тепейякаке»²⁷. В документе “*Anales de México y sus contornos*” (Документ № 1; ААМС № 12) одна запись гласит: «1631. В 11-м году Калли. Это было, когда произошло солнечное затмение в три часа. Вскоре он снова вышел, но длился недолго. И это было, когда они привели (сюда) Великую Госпожу Тепеяк, Богоматерь Гваделупскую»²⁸.

Первая часть этой записи была помещена с неправильным европейским годом, так как 11-й год Калли был 1633, а не 1631. В апреле 1633 г. произошло кольцевое солнечное затмение. Это событие упоминается не в том году, возможно для того, чтобы связать приход Девы Марии с предзнаменованием затмения. В тех же хрониках за 1531 г. записано только прибытие двенадцати францисканцев (что на самом деле произошло в 1524 г.), но конкретно о явлении в этот год упоминания отсутствуют.

В «*Anales de México y sus alrededores*»²⁹ (ААМС, no. 15) содержится иное замечание: «1556. 12 флонт. Богородица спустилась сюда в Тепейяк, точно так же в то же самое время, когда звезда дымилась». Мариано Куэвас попытался связать «дымящуюся звезду» с солнечным затмением 1531 г., когда гора Ситлалтепетль, как казалось, испускала дым. Он утверждает, что нет источника, который упоминал бы о комете в 1556 г., но это астрономическое явление определено отмечается в 1531 г.³⁰ В “*Anales del Indio Juan Bautista...*”, “*Anales de Chimalpahin*” и “*Anales Antiguos de México y sus contornos*” датировка явления относится к 1555–1556 гг.

В еще одном источнике «*Anales de Puebla y Tlaxcala*» («*Anales de Catedral*»)³¹ содержатся хроники, описывающие события в районе Пуэблы и Тлашкалы, к востоку от Мехико. Эти документы упоминают традиционные даты явления Гваделупской Девы. В источнике «*Añalejo de Bartolache*»³² также упоминается явление Девы Марии в записи за 1531 г.

²⁶ *Anales del Indio Juan Bautista o Diario de Juan Bautista o Crónica de Juan Bautista* [Электронный ресурс]. URL: <https://virgendeguadalupe.org.mx/documentos-historicos/> (дата обращения 16.05.2021).

²⁷ *Anales de Chimalpahin или Relaciones de Chalco Amaquemecan. Séptima relación* [Электронный ресурс]. URL: <https://virgendeguadalupe.org.mx/documentos-historicos/> (дата обращения 15.05.2021).

²⁸ *Anales de México y sus contornos* (Документ № 1; ААМС № 12). P. 4.

²⁹ *Añalejo de Bartolache o Manuscrito de la Universidad*. P. 2.

³⁰ *Cuevas M. Álbum Histórico Guadalupano IV Siglo. México, 1931. 47 p.* [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/albumhistoricoguadalupanoivsiglo> (дата обращения 02.05.2021).

³¹ *Anales de Puebla y Tlaxcala (Anales de Catedral)*. P. 7.

³² *Añalejo de Bartolache o Manuscrito de la Universidad*. P. 2.

С учетом вышеизложенной информации, представленной в точно датированных документах, хроники позволяют установить следующие детали интерпретации: с начала XVII в. явление начало ассоциироваться с годом кометы. Насколько возможно судить, лишь в середине XVII в. авторы приходят к консенсусу и останавливаются на 1531 г.

Качество сведений, однако, заметно отличается в более ранних и более поздних хрониках. В более старых документах обнаруживаются только сведения о поклонении Деве Марии и ее явлении в Тепейяке в 1556 г., а также упоминается связь явления с появлением кометы, что могло бы объяснить путаницу между 1556 и 1531 гг. Только в более поздних хрониках (то есть в тех, чьи записи не могут быть однозначно датированы до 1648 г.) можно найти упоминания о Хуане Диего и его смерти в 1548 г. и традиционную дату явления – 1531 г.

Существует корреляция во всех свидетельствах: те, кто упоминает имя Хуана Диего, помещают явление в 1531 г., в то время как те, кто не знает этого имени, датируют событие 1555 или 1556 г. Можно предположить, почему жители Куаутитлана рано узнали о Хуане Диего, но, по-видимому, этого не произошло в Тлашкале. Таким образом, более вероятным объяснением расхождения между летописями Мехико и Тлашкалы является то, что последние представляют собой более позднюю рукописную традицию, когда имя Хуана Диего было широко известно, а 1531 г. стал общепринятой датой явления.

Важной характеристикой значимости сводов хроник является то, что такие записи создавались для сохранения информации о событиях, имевших значение для конкретных регионов. Записанные алфавитным письмом хроники были преемниками доколумбовых пиктографических кодексов, которые давали рекомендации для устного воспроизведения важных событий. Хуан Диего мог быть важным и почитаемым человеком в Куаутитлане, но не в других местах, и его почитание как местного святого не обязательно распространялось вместе с культом Гваделупы.

Таким образом, можно предположить, что до 1555 г. в Тепейяке существовали и культ Девы Гваделупской, и посвященная ей церковь, и вера в существование Хуана Диего, но они, должно быть, были не очень географически широко распространены и, вероятно, известны только индейцам Куаутитлана и его окрестностей, откуда и был родом Хуан Диего. Вероятно, культ Девы Марии Гваделупской был характерен только для этого города. Будучи индейцами, горожане имели бы достаточно оснований считать любого священника или монаха чужаком и не хотели бы делиться рассказом о явлении с испанским духовенством. Враждебность, проявленная несколькими францисканцами (Франциско де Бустаманте, Бернардино де Саагуном и проч.) по отношению к культу в Тепейяке, могла дать дополнительные причины для осторожности.

В настоящее время известно довольно много документов, повествующих о явлении Девы Марии Гваделупской бедному индейцу Хуану Диего. Толкование деталей и значения каждого варианта

предания, как показала данная работа, разнятся в зависимости от авторства, типа и датировки рассматриваемых источников. Интерпретация гваделупанского культа соответственно должна рассматриваться исходя из вышеназванных факторов.

С одной стороны, необходимо отметить, что наиболее известные документы испанского происхождения, которые преимущественно датируются серединой и второй половиной XVII в., такие как нарративы Мигеля Санчеса или Бесерра Танко, в большинстве своем склонны возвышать значение испанцев в формировании регионального культа, а также в истории Новой Испании, что подтверждается их опорой на Священное Писание и толкованием явления в рамках католической богословской традиции, при этом они не уделяли особого внимания коренным народам в своей интерпретации предания о явлении Девы Марии, а их ссылки на Хуана Диего и местное индейское население затмевались основной темой величия Мехико как столицы американских испанцев.

С другой стороны, самые ранние рассказы о явлениях Гваделупской Девы можно найти в индейских хрониках, однако эти источники проблематичны с точки зрения исторической науки, поскольку индейцы записывали свои истории на основе устной традиции, что, в свою очередь, заставляет антипарационистов относиться к такой интерпретации явления с меньшим доверием. Однако, ознакомившись и проанализировав источники индейского происхождения, отметим, что индейцы, являвшиеся приверженцами культа, более всего чтят память Хуана Диего и его роль в явлении Богоматери Гваделупской как в связи с тем, что он был одним из них, так и в связи с выбором Богоматерью индейца в качестве своего посланника. Но также важен факт того, что память о Хуане Диего была наиболее выражена в географических рамках территории Куаутитлана, откуда он был родом, что, вероятно, объясняется тем, что его почитание не имело возможности распространиться шире в рассматриваемый период.

Возникшие противоречия о датировке явлений Гваделупы могут быть связаны с путаницей в событиях между 1531 и 1556 гг. (затмение и комета). Кроме того, существует определенная корреляция, согласно которой более ранние летописи датируют явление 1556 г., а более поздние – 1531 г. Итак, 1531 г. не был широко признан до середины XVII в.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что каждая из социально-этнических групп интерпретировала явление Девы Марии Гваделупской в согласии с собственными интересами и религиозными представлениями. В то время как американским испанцам было необходимо сделать культ Девы Гваделупской своим и вписать его в более широкий культурно-религиозный контекст для выделения места Мехико в испанском и, шире, христианском мире, для представителей коренного населения в рассматриваемый период это был скорее локальный культ, характерный для Мехико и его окрестностей, в котором немалую роль играло почитание Хуана Диего.

Н.С. Климов

Монетное дело Новой Испании

Статья посвящена исследованию монетного дела в вице-королевстве Новая Испания и анализу основных тенденций в королевской монетарной политике XVI – начала XIX в., а также анализу социального контекста существования монетных дворов. Работа опирается в первую очередь на законодательные документы, касающиеся денежного производства, поскольку данный тип источников позволяет достаточно полно определить политические изменения в отношении исследуемых предприятий, а также является прямым отражением интересов короны. Привлеченное в исследование эссе генерального директора шахт Новой Испании Фаусто де Эльюяра позволяет оценить положение дел в горнодобывающей и денежной отрасли на протяжении всего исследуемого периода с точки зрения специалиста-современника. Также в качестве наглядного материала при изучении использовались данные нумизматического интернет-каталога. В статье рассматриваются особенности денежной системы и денежного обращения в Новой Испании и выделяются проблемы, связанные с ними. Уделяется отдельное внимание развитию горного дела, поскольку добыча металла является неотъемлемым процессом в производстве денег. Отмечено оформление определенных социальных групп, таких как шахтеры, чеканщики и королевские служащие монетного двора на протяжении исследуемого периода, и проанализировано социально-экономическое положение этих групп. Ввиду особенностей политики короны отмечается отставание от Кастилии в некоторых сферах, в том числе производственной, которое напрямую отражалось на качестве производимых монет, а также социальной, которое сыграло роль в формировании условий жизни людей, задействованных в вышеперечисленных отраслях.

Ключевые слова: Новая Испания, монетный двор, денежная система, монетарная политика

Вице-королевство Новая Испания было основано в 1535 г., тогда же в его столице – Мехико был учрежден первый монетный двор. Эта дата является начальной точкой в истории монетного дела данного региона. Оно представляет интерес, поскольку добыча драгоценных металлов и денежное производство в дальнейшем стали важнейшими источниками развития экономики

Новой Испании и обогащения королевской казны на протяжении почти трехсот лет. Являясь частью испанской империи, вице-королевство не обладало полной автономией и подчинялась ее общим законам, однако многие аспекты социально-экономической обстановки значительно отличались от кастильских по ряду причин, анализу которых, в частности, посвящена данная статья. Королевская монетарная политика в отношении Новой Испании во многом соответствовала Кастилии, однако в некоторых случаях можно наблюдать проявление интереса короны к получению собственной выгоды без учета внутренних потребностей вице-королевства.

Денежная система Новой Испании основывалась на кастильских стандартах. Денежной единицей был королевский реал, соответствовавший по своим характеристикам кастильскому, что утверждается в сборнике законов королевств Индий¹. Однако до 1679 г. на территории вице-королевства не производились золотые монеты эскудо², а также практически не выпускались медные и медно-серебряные монеты, исключения составляли краткосрочные выпуски 1540-х³ и 1810-х гг.⁴

Несмотря на острую потребность местного населения в мелких разменных монетах, их производство не было налажено, что вызывало рост использования заменителей денег в виде какао-бобов и других предметов или материалов⁵. Данная проблема не решалась, поскольку корона, скорее всего, заботилась в первую очередь о производстве и вывозе серебряной монеты на европейский рынок. Также чеканка новых денег могла привести к увеличению риска подделок и несоблюдения технологий производства.

Введение в Новой Испании валюты из желтого металла сделало монетную систему биметаллической, то есть включающей в себя циркуляцию двух металлов. Поскольку количество серебряных монет намного превышало количество золотых, колебание курса драгметаллов не сказывалось на экономике⁶, к тому же на законодательном уровне отношение эскудо к реалу составляло 1:16. Таким образом, наблюдается картина несовершенства денежной системы и монетарной политики в отношении Новой Испании в целом, причиной которой являлись как внутренние, так и внешние факторы в виде политики испанской короны.

Говоря о добыче драгоценных металлов, стоит обратить внимание в первую очередь на то, какое влияние оказывало горное дело Новой Испании на экономику империи в целом. По данным А. фон Гумбольдта, вице-королевство к началу XIX в. было крупнейшим производителем серебра, на его долю приходилось 67% от всего добываемого металла Америки⁷. Оно обеспечивало постоянное обогащение королевской казны, поэтому монархи уделяли пристальное внимание контролю над горным делом и стремились повысить эффективность и объемы добычи драгоценных металлов, в первую очередь серебра. С этой целью вводились некоторые ужесточающие меры в отношении горняков и рабочего процесса в целом. Так, например, были изданы указы о сокращении срока вынесения приговора⁸ и исполнении наказаний в отношении шахтеров⁹, чтобы

¹ Recopilación de leyes de los Reynos de las Indias (abajo RDL). Madrid: [s.e.], 1681. T. 2. Libro 4, título 23, ley 1, hoja 130.

² *González Gutiérrez P.* Creación de la Primera Casa de Moneda en Nueva España. *Producto Acuñado // Estudios de Historia Social y Económica de América*, 1995. No 12. P. 62.

³ *Castillo Valdés O.* Las caras de la moneda menuda en Nueva España. *Un acercamiento panorámico // El Semestre de las Especializaciones*. 2020. No 2. P. 278.

⁴ *Ibid.*

⁵ *García Ruiz A.* La moneda y otros medios de cambio en la Zacatecas colonial // *Historia Mexicana*, 1954. Vol. IV, No 1 (13). P. 26–30.

⁶ *González Gutiérrez P.* Creación de la Primera Casa de Moneda en Nueva España... P. 63.

⁷ *Brading D.A.* La minería de la plata en el siglo XVIII: el caso Bolaños // *Historia Mexicana*, 1969. Vol. XVIII, No 3 (71). P. 317.

⁸ RDL. Tit. 20, ley 5, h. 121.

⁹ *Ibid.* Tit. 20, ley 2, h. 121.

работники не находились без дела длительное время. Также ужесточалось наказание за простаивание шахт более 4 месяцев¹⁰.

Горное дело являлось фактором, способствовавшим появлению новых экономических центров и городов, поскольку новый источник серебра привлекал, в первую очередь, рабочих. Новые поселения вокруг крупных месторождений неизбежно становились и торговыми точками. Оформление шахтеров как особого социального класса произошло лишь во второй половине XVIII в., ранее в шахтах работали люди разного положения, не обладавшие особыми правами и привилегиями. В отношении индейского населения предпринимались меры по уравниванию его в правах с другими этническими группами, такие как разрешение всем свободным людям владеть шахтами и работать на них¹¹.

Однако положение горняков в XVI–XVII вв. оставалось тяжелым, о чем можно судить исходя из указов о поставках необходимых товаров и продовольствия для рабочих в шахты, при том, что указ от 1571 г.¹² дублировался в 1602 г.¹³, а значит, положение дел никак не улучшалось. Также в 1601 г. был издан указ, который не допускал «праздного существования» свободных людей, пригодных для работы в шахтах¹⁴. Просьбы и требования горняков выполнялись редко, но с момента возникновения в 1777 г. суда общей юрисдикции¹⁵ их положение укрепилось. Также была создана гильдия шахтеров, которая позволяла решать возникающие вопросы и обладала определенным кругом привилегий¹⁶, что выделило горняков как отдельную социальную корпорацию.

Фаусто де Эльуяр оценивает положение шахтеров Новой Испании как угнетенное, поскольку они продавали металл монетным дворам по заниженной цене¹⁷, теряя от 4,4 до 7,9 %¹⁸ стоимости, и фактически содержали монетные дворы¹⁹, которые существовали за счет разницы между закупочной ценой металла и ценой производимых денег. Имело место и незаконное изготовление монет или их подobia в связи с нехваткой денег в новых городах, возникавших рядом с месторождениями. Серебро отдавалось в крупные центры, где располагались монетные дворы, и на местном уровне просто не оставалось ходячей монеты. Кано Боррего выделяет на территории Новой Испании четыре вида незаконных денег, большая часть которых имела низкое качество²⁰. Таким образом, в горном деле также прослеживается внешняя направленность денежных потоков и преобладание интересов короны, которые приводили к нехватке монеты на периферии, а также отставанию социальной сферы от запросов населения и отдельных слоев общества.

Монеты Новой Испании начала XVI – середины XVIII в. имели неправильную форму, поскольку изготавливались примитивными технологиями вручную. Такие монеты называются «молотковыми деньгами» (*cob coins*) или «макукинами» (*mascuquinas*)²¹. Недостатком таких монет была незащищенность от подделок, поскольку на многих из них не проштамповывались инициалы пробирщика, либо они были плохо видны, а следовательно, невозможно было найти виновного в чеканке фальшивых или некачественных денег. Исследователь Рамон Серрера утверждает, что вес таких монет

¹⁰ Ibid. Tit. 19, ley 6, h. 119.

¹¹ Ibid. Tit. 19, ley 14, h. 120.

¹² Ibid. Tit. 19, ley 8, h. 119.

¹³ Ibid. Tit. 20, ley 4, h. 121.

¹⁴ Ibid. Tit. 19, ley 13, h. 120.

¹⁵ *Elhuyar F.* Indagaciones sobre la amonedación en Nueva España. (abajo ISLA) Madrid: Imprenta de la Calle de la Greda, 1818. P. 88–90.

¹⁶ Venegas Torre de la A.G. Los privilegios mineros novohispanos a partir de las Ordenanzas de Minería de 1783: los usos de la justicia // *Historia y justicia*. 2015. No 5. P. 78–79.

¹⁷ ISLA. P. 76–77.

¹⁸ Ibid. P. 11, 39–40.

¹⁹ Ibid. P. 26–27.

²⁰ *Cano Borrego P.D.* La producción de plata y la escasez de moneda en el norte de Nueva España en el siglo XVIII // *Revista Numismática Hécate*, 2019. No 6. P. 193

²¹ *Castro Gutiérrez F.* Historia social de la Real Casa de Moneda de México. México: UNAM. 2012. P. 38.

чаще всего не доходил до необходимого, что вызывало трудности в торговле²², главным образом внешней.

По словам Фелипе Гутьерреса, чеканка монет в Индиях носила «срочный» характер, поэтому приобретение нового оборудования было слишком затратным²³. Можно предположить, что значительное количество выпускаемых денег компенсировало их качество. Однако реформы 1730-х гг. затронули производственный процесс на монетных дворах, и с 1732 г. в Новой Испании стало использоваться новое оборудование для чеканки монет, в результате чего они приобрели одинаковую форму и четкий рисунок. Это же подтверждается данными нумизматического каталога²⁴.

Стремление к большей прозрачности действий, снижению возможности подделки денег и потерь при изготовлении монет всегда было основным в сфере производства денег. На протяжении всего периода существования вице-королевства вводились соответствующие меры, например, указ от 1537 г., который требовал ведения документации служащими монетных дворов²⁵, и закон о предотвращении махинаций с металлами путем подмешивания примесей при плавке²⁶. Также с 1646 г. запрещался прием на работу мастера-взвешивателя без лицензии и прохождения специального экзамена²⁷.

В своде указаний²⁸, изданном в результате вышеупомянутых реформ 1730-х гг., были расписаны полномочия и права каждого работника монетного двора, очередность действий при изготовлении монет, допустимые пределы колебания их массы и действия при обнаружении нарушений. Все эти меры подтверждают тенденцию к стандартизации процесса чеканки и пресечению незаконных действий, неизбежно ведущих к финансовым потерям.

Управление монетным двором имело жесткую структуру, восходящую к вице-королю как самому доверенному лицу кастильской короны в Новой Испании. Непосредственный руководитель монетного двора – алькальд (позднее суперинтендант), который назначался вице-королем²⁹ и отчитывался перед ним, в свою очередь назначал судебного исполнителя монетного двора³⁰ и имел в подчинении самых важных работников, таких как пробирщик, бухгалтер и охранники.

Существовало разделение работников на старших (*ministros*) и младших «чиновников» (*oficiales*). К первым относились суперинтендант, бухгалтер, казначей, пробирщик, старший плавильщик, взвешиватель и инспектор монетного двора³¹. Ко вторым относились иные работники монетного двора, такие как плавильщик, охранник штемпелей и охранник металла, резчик и работник, проводивший бухгалтерский учет³². По словам Виктора Мурильо, выделение старших пробирщиков и плавильщиков в качестве королевских служащих было одним из шагов реформ Бурбонов в увеличении контроля над работой монетных дворов³³.

Говоря о работниках монетного двора как о социальной корпорации, важно разделять их на три класса: старших служащих, простых служащих и неквалифицированных рабочих. Все эти люди получали определенные привилегии, которые увеличивались по мере восхождения вверх по социальным ступеням.

²² *Serrera María R.* La introducción de la “moneda de busto” en España e Indias: la real pragmática de 29 de mayo de 1772 // *Revista de Estudios Extremeños*, 2015. T. LXXI. No 3. P. 1974.

²³ *Castro Gutiérrez F.* Op. cit. P. 37.

²⁴ *Ucoin.net.* Мексика [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.ucoin.net/catalog/?country=mexico> (дата обращения 06.09.2021).

²⁵ RDL, tit. 22, ley 11, h. 125.

²⁶ *Ibid.* Tit. 22, ley 5, h. 124.

²⁷ *Ibid.* Tit. 23, ley 20, h. 132.

²⁸ *Ordenanzas para el gobierno de la labor de monedas de oro, y plata que se fabricaren en México (abajo Ord.1771).* México, 1771. 59 p.

²⁹ *Cédula y Ordenanzas referentes a la Casa de Moneda.* Madrid. 11 de mayo de 1535.

³⁰ *Ord.1771.* P. 54.

³¹ *Ibid.* P. 2–3.

³² *Ibid.* P. 2–3.

³³ *Soria Murillo V.M.* La Casa de Moneda de Mexico bajo la administracion borbonica 1733–1821. México: Universidad Autonoma Metropolitana, 1994. P. 25.

Неквалифицированный труд на монетных дворах был тяжелым и травмоопасным. Изначально большую часть таких рабочих составляли африканские рабы, однако со временем их количество сокращалось, но не исчезало вплоть до 1730-х гг. К середине XVIII в. число испанцев среди рабочих было подавляющим, а африканцев – наименьшим³⁴. Чеканщики приобрели некоторые преимущества в виде получения права на именование «дон» (которое никогда не давалось другим работникам), они считались «порядочными» и к ним относились с уважением. Также некоторые чеканщики могли добиться повышения и стать квалифицированными служащими, однако это случалось нечасто³⁵. Как правило, они занимали эту должность пожизненно.

Средний шахтер в середине XVIII в. получал 4–5 реалов в день или около 180 песо в год, шахтеры Боланьоса получали по 6 реалов в день или около 225 песо в год, и это считалось для работодателей высокими расходами³⁶. Минимальная зарплата на монетном дворе составляла 150 песо у младшего резчика и 230 песо у ночного сторожа³⁷. Таким образом, можно судить о том, что зарплаты самых неквалифицированных работников монетного двора оплачивались так же, как и тяжелый труд шахтеров.

Что касается привилегированных служащих, то их зарплаты начинались от 500 песо и в среднем колебались около 1000 песо в год³⁸. Исследователь Фелипе Гутьеррес утверждает, что 600 песо в Мехико в XVIII в. – скромное жалованье, но все же превышающее доходы большинства жителей города³⁹. Работа на монетном дворе была для многих бедных людей шансом обеспечить свою семью.

На монетных дворах активно практиковалась покупка и продажа должностей, которая была разрешена с 1557 г.⁴⁰ Должность считалась собственностью работника и могла быть куплена даже в кредит. Нередко она наследовалась или приобреталась для сына с целью обеспечить ему будущее, поскольку хорошая должность считалась вкладом, который непременно себя окупит⁴¹. Это отчасти отрицательно сказывалось на производстве, поскольку посты занимали не наиболее способные люди, а наиболее обеспеченные или стремящиеся к получению выгоды.

Квалифицированные должности были предметом финансовых интересов короны и высшего руководства, поскольку с помощью их продажи можно было получать дополнительный доход. В данной ситуации важным был баланс между выгодой и стремлением минимизировать потери от недостатка профессионалов. Стоит отметить то, что отдельный работник редко мог пройти весь путь с самого низа, однако даже низшая должность при монетном дворе позволяла неплохо зарабатывать на жизнь, что привлекало бедных жителей Мехико и других крупных центров.

В число привилегий чеканщиков и королевских служащих входило освобождение от налогов, кроме налога на торговлю, королевской пятины и пошлин⁴². Постепенно они приобретали и другие преимущества, аналогичные с работниками отрасли в Кастилии. Еще одной особенностью этих лиц было то, что старшим служа-

³⁴ Castro Gutiérrez F. Op. cit. P. 139.

³⁵ Ibid. P. 128.

³⁶ Brading D.A. La minería de la plata en el siglo XVIII: el caso Bolaños // Historia Mexicana. 1969. Vol. XVIII, No 3. P. 323.

³⁷ Ord. 1771. P. 55.

³⁸ Ibid. P. 55.

³⁹ Castro Gutiérrez F. Op. cit. P. 124.

⁴⁰ RDL, tit. 23, ley 14, h. 131.

⁴¹ Castro Gutiérrez F. Op. cit. P. 56–57.

⁴² Cédula y Ordenanzas referentes a la Casa de Moneda. Madrid. 11 de mayo de 1535.

щим, таким как суперинтендант, бухгалтер, казначей, предоставлялось жилье на территории монетного двора⁴³.

Выделение чеканщиков и королевских служащих в качестве отдельной корпорации проявлялось и в судебной сфере. Основной инстанцией был суперинтендант, который рассматривал все преступления, совершенные на монетном дворе. Заседание суда по делам чеканщиков проходило в закрытом режиме. Суперинтендант часто взаимодействовал с другими судьями, принимая у них дела, касающиеся оборота денег. Также он напрямую работал с судебным исполнителем монетного двора, в юрисдикции которого была тюрьма, находившаяся на его территории⁴⁴.

Рассмотрение основных аспектов денежного производства в Новой Испании позволило выявить, что монетное дело играло важнейшую роль в экономике как вице-королевства, так и всей империи. Преобладание интересов короны в получении собственной выгоды над внутренними потребностями региона зачастую приводило к отставанию развития социальной и экономической сферы Новой Испании от Кастилии, однако в области горного дела и производства денег наблюдалось постепенное обособление за действованных в производстве людей в особые социальные корпорации, приобретающие со временем определенные привилегии и юридическую автономию.

⁴³ Ord. 1771. P. 33–38.

⁴⁴ Ibid. P. 54.

Проблемы исторической памяти

УДК 930.1
ББК 63.1

А.А. Королева

Деконструкция советской концепции декабризма в современной отечественной историографии

Автор исследования задается целью создать историографический обзор процесса деконструирования и демифологизации советской концепции декабризма в современном интеллектуальном процессе. Тенденции 1990-х – начала 2000-х гг. привели к распространению работ, которые способствовали закреплению советской концепции с обратными, т. е. негативными, оценками декабристов и их деятельности. Однако с середины 2000-х гг. историки начинают рассматривать объект с актуальных позиций истории терминов, новой интеллектуальной истории, применять междисциплинарные методы. В результате был сконструирован процесс формирования декабристского мифа. Он начался с 1826 г. и проходил в несколько этапов как в официальном, так и в оппозиционном дискурсе. Понимание этого процесса способствует «очищению» образа декабризма от «слоев мифа» в потенциальных исследованиях.

Ключевые слова: декабризм, М.В. Нечкина, деконструкция, исторический миф, историография

Исследования исторической памяти являются одним из самых актуальных направлений современной исторической науки, поскольку одновременно отвечают на общественный запрос как инструмент для формирования и поддержания государственной идентичности и дают научное объяснение, почему и как меняется образ прошлого. Теоретические основания и методологический инструментарий для изучения механизмов формирования и функционирования исторической памяти заимствованы из смежных дисциплин (социология, психология, философия, лингвистика), которые ранее были направлены на предмет социальной и культурной памяти. Согласно теории культурной памяти Яна Асмана, только наиболее значимые представления об этапах разви-

тия, целях и месте общности сохраняются от поколения к поколению и приобретают форму мифа¹.

К деконструкции морально устаревших мифов приводят масштабные социальные потрясения и политические изменения, которые затрагивают не только текущее восприятие современниками событий, но и традиционные, укоренившиеся в культурной памяти общества образы². Историк, принимая участие в процессе демифологизации – сложном самостоятельном исследовательском предприятии с неизвестным или труднодоказуемым результатом, стремится приблизиться к максимальной «достоверности» через очищение фактов от искажений памяти с помощью профессиональных методов. Однако неверно полагать, что таким образом миф окончательно исчезает. Более того, само опровержение нередко может стать мифом. Именно к ним относится советская концепция декабризма академика Милицы Васильевны Нечкиной.

История декабристского движения стала обрастать мифами, которые определили образ его и его участников с самого начала. Он основывался на полном неприятии правомочности русского общества самостоятельно воздействовать на правительственный строй и государственную политику³. Необходимость в развенчивании дореволюционной концепции пришла после 1917 г. Большим влиянием тогда пользовался академик М.Н. Покровский, который фактически отказывал «дворянскому» этапу революционного движения в единстве и отрицал революционность Северного общества в лице С.П. Трубецкого в принципе. Закономерно, что после разгрома школы М.Н. Покровского в 1934 г. начала складываться «официальная концепция» декабризма, которую связывают с именем М.В. Нечкиной.

Наиболее полно и четко она была сформулирована в двухтомной монографии академика «Движение декабристов» 1955 г. В книге обнажились все основополагающие аспекты модели «дворянской революционности». Под этим подразумевалось, во-первых, что декабризм являлся единым течением, которое объединило Северное и Южное тайные общества; во-вторых, что это было радикальное движение приверженцев демократических идей; в-третьих, что декабристам была присуща классовая ограниченность (они действовали для народа, но не с ним). Кроме того, вдохновившись В.И. Лениным, М.В. Нечкина сконструировала образ движения декабристов как первых русских революционеров и вписала их в плеяду русских революционных движений. Механизмы закрепления данной модели в историческом сознании советского общества действовали столь успешно, что до сих пор движение декабристов воспринимается в соответствии с ней. Тем не менее отмечают одновременное существование «неофициального направления» «на протяжении всей истории советского декабристоведения»⁴, на которое была возложена надежда на освобождение его от предустановленных выводов исследований. В полной мере процесс «демифологизации» развернулся только с перестройки и в постсоветской историографии.

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

² Иллерицкая Н.В. Конструирование прошлого в контексте интеллектуального многообразия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 1 (102). С. 36–48.

³ Ильин П.В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения // Декабристы: актуальные направления исследований. СПб., 2010. С. 4.

⁴ Там же. С. 7.

Результат оказался неоднозначным. С одной стороны, историческая наука обогатилась работами по свежим, значимым, но ранее не изученным проблемам и сюжетам. С другой – трудный для науки период в 90-е гг. вынуждал исследователей ориентироваться на широкий круг читателей и удовлетворять их интересы, которые принимали форму требования «сенсаций», разоблачения «мифов». Кажется, что социальный запрос совпал с проблемой научного декабристоведения, однако нередко рождались работы, в которых критическое переосмысление подменялось пересмотром оценок, сменой полюсов. На этом ощутимо сказалось идеологическое влияние консервативно-охранительного спектра. Оно заключалось в обращении к дореволюционной официальной позиции власти, современной самим декабристам. Таким образом, советский миф декабризма только укоренялся в общественном сознании.

Однако исследователи активно пытаются преодолеть это негативное влияние и выдвигают гипотезы нового образа декабристов, который вписан в широкий контекст европейских общественных движений первой половины XIX в. Деконструкция избранных авторами сюжетов и дискурса последних лет позволила выявить современные тенденции интеллектуального процесса.

Одна из самых актуальных – это анализ смыслового содержания понятий и терминов эпохи. Центральным понятием, на которое, так или иначе, опираются все работы по декабризму, является «тайное общество». Первую попытку создать наиболее полную и всестороннюю картину разного рода (в том числе тайных) общественных объединений первой трети XIX в. предприняла В.М. Бокова. Под общественным объединением, которое Бокова приравнивает к «сословию» или «разряду» «на языке эпохи», она подразумевает «сравнительно устойчивую, более или менее организационно оформленную группу лиц, связанных... коммуникативными и интеллектуальными интересами и отношениями»⁵. Разница с тайным обществом состоит лишь в наличии элементов конспиративной деятельности, которая носила весьма условный характер, что позволяет отнести декабристские общества к тайным организациям. Ведь «никто из декабристов, включая Пестеля, не сделал конспиративную деятельность единственным делом своей жизни»⁶, – отмечает Бокова.

Свою трактовку понятия «тайных обществ» предложила петербургский историк Наталья Дмитриевна Потапова. «Он [термин] был введен в 80-е гг. XVIII в. в европейской политической публицистике консервативного толка для объяснения причины антиправительственных выступлений в разных государствах»⁷, – пишет автор. Понятие «тайное общество» – это конструкт, который носит политический, а не правовой характер. Вокруг этого утверждения Потапова выстраивает концепцию, что «декабристский миф», который принято называть советским, был создан еще во время следствия через фальсификацию его материалов и распространение официальной версии событий 14 декабря и его контекста.

То, что концепция декабризма Нечкиной создавалась еще с 1826 г. и нова только оценками, полагает и О.И. Киянская. Она не

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 543.

⁷ Потапова Н.Д. Основания к расследованию деятельности «тайного общества» в конце 1825 г.: фальсификация дела // Проблемы социального и гуманитарного знания. 1999. Вып. 1. С. 97.

оспаривает, что движение декабристов – составная часть общественного движения в России начала XIX в., но отказывает ему в какой-либо уникальности: идеологической или организационной. Идеи конституционализма – это своего рода мода Александровской эпохи, заданная самим императором, как и мода на тайные общества в Европе. Реальным же центром общественной жизни начала XIX в. была армия, где и велась «конкретная работа по организации русской революции»⁸.

Конструирование социокультурного типа декабриста и его ментальных установок, а также то, как они повлияли на процесс формирования их идей, – другая актуальная тенденция интеллектуального процесса. Например, Т.Н. Жуковская интерпретировала программы декабристов в контексте мощного влияния европейского либерализма на российскую дворянскую интеллигенцию в начале XIX в. и заключила, что «обобщающая формула “либерализм декабристов” столь же абстрактна, как и формула “дворянская революционность”, и следовательно – антиисторична»⁹. Таким образом, декабристы предстали не представителями особого национального типа либерализма, а создателями особого национального опыта политической деятельности и политического переворота. Важен вклад В.С. Парсамова, который сконструировал процесс зарождения образа единого движения декабристов (это произошло только в Сибири), транслируемый в мемуарах и публицистике.

Несмотря на то что самая мощная волна критики советской концепции декабризма уже фактически прошла, нельзя сказать, что демифологизация этой традиции исторической памяти была успешно завершена. В период резкой смены социально-политической обстановки на рубеже XX и XXI вв. она грозила обернуться замещением новым мифом. Однако декабристоведение продолжает развиваться как перспективная и актуальная сфера, которая обогащается новыми подходами и выходит на свободный от мифов междисциплинарный уровень.

⁸ Киянская О.И. Движение декабристов: Взгляд из XXI века // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали, 2009. Т. 6. С. 79; Булдакова Д., Киянская О. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11 (44). С. 9–16.

⁹ Киянская О.И. Указ. соч. С. 48.

Д.В. Колесниченко

Агитационная деятельность Телеграфного агентства Советского Союза в годы Великой Отечественной войны

В статье характеризуется деятельность центрального информационного агентства Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Автор раскрывает историю создания органа, его основные задачи и функции в годы войны, анализирует агитационную деятельность Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), выделяет четыре группы изданных в годы ВОВ плакатов Окна «ТАСС».

Ключевые слова: Телеграфное агентство Советского Союза, Окна ТАСС, плакат, Великая Отечественная война, агитация

Решение о создании Телеграфного агентства Советского Союза (далее – ТАСС) на базе Российского телеграфного агентства было принято 10 июля 1925 г. постановлением Президиума ЦИК и СНК СССР. Главной задачей ТАСС было распространение политической, экономической, торговой и иной информации в СССР и за границей. В годы Великой Отечественной войны важной задачей ТАСС стало обеспечение фронта и тыла агитационной информацией¹. Для ее решения Агентство 24 июня 1941 г. организовало коллектив из художников и литераторов под названием «Окна ТАСС»; главным жанром их работы стал военно-оборонный плакат.

Заведующим «Окнами» был назначен художник Н. Денисовский, редактором – А. Кулагин, художественным редактором – П. Соколов-Скаля, членами совета – Ф. Антонов и П. Шухмин. Плакаты, принятые художественным советом редакции, утверждались ответственным руководителем ТАСС Я. Хавинсоном, с 1943 г. – Н. Пальгуновым, а также инструктором отдела культуры ЦК ВКП(б) П. Лебедевым². В состав «Окон» входили художники: М. Савицкий, Кукрыниксы, М. Черемных, С. Костин, А. Радаков, поэты С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, Д. Бедный, С. Кирсанов,

¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост.: А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2007. С. 135.

² Маслов В.А. Окна ТАСС. 1941–1945 / В.А. Масленников. М.: Контакт-Культура, 2007. С. 47.

А. Жаров. «Окна ТАСС» выходили в Куйбышеве, Ленинграде, Горьком, Молотове, Очере, Кирове, Иркутске, Новосибирске, Свердловске, Казани и во многих других городах, где действовали художественные коллективы³.

Можно утверждать, что ТАСС – это продолжатели «Окон» РОСТА, которые обеспечивали население агитационными плакатами в годы Гражданской войны и в восстановительный период. Формат военно-оборонных плакатов в качестве средств агитации был выбран с целью красочной, лаконичной и оперативной передачи информации. Плакаты изготавливались при помощи технологии трафаретирования, иногда прибегали к печати на стекле (диапозитив)⁴.

Плакаты – это не только агитационное «оружие», но и летопись Великой Отечественной войны, по которой можно было отследить основные события в непростое для страны время. За 18 месяцев работы Окон «ТАСС» было выпущено около 700 «окон», что составляло 30 плакатов ежемесячно. За это время производство плакатов усовершенствовалось: из кустарной мастерской «Окна» превратились в хорошо организованное предприятие⁵. Плакаты можно разделить на следующие группы: «фронтные», «разоблачающие врага», «народные» и «тыловые».

К фронтовой группе можно отнести те плакаты, которые изображают действия на передовой. Для данной группы была характерна лаконичная подпись в форме призыва. Изображение могло быть как цельным, так и разделено коллажами. К примеру, плакат П. Малькова «Товарищ, выручай товарища в бою. Ты жизнь спасешь его, а он спасет твою» указывал на необходимость сплочения бойцов.

Плакат «Не отдадим Москвы!»⁶ П. Соколова-Скали призывал не только солдат, но и население бороться с врагом. Плакат «Воины Красной армии!» П. Шухмина напрямую обращался к бойцам, призывая их «бить без пощады фашистское зверье», а также «стойко защищать родную землю».

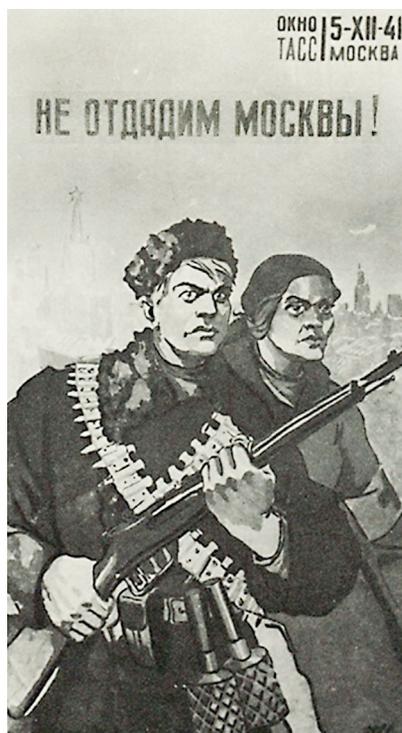
П. Мальков. Плакат «Товарищ, выручай товарища в бою. Ты жизнь спасешь его, а он спасет твою»

³ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 162.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 1249. Л. 3.

⁵ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 72.

⁶ Окна ТАСС. 1941–1945 / Сост. Н. Денисовский. М.: Изобразительное искусство, 1970.

П. Соколов-Скаля
Плакат «Не отдадим Москвы!»

П. Шухмин
Плакат «Воины Красной армии!»

Кроме того, в группе «фронтовых» плакатов преобладала тенденция изображения успехов Красной армии. Плакат П. Соколова-Скаля «Вперед, к победе!» был посвящен не столько юбилею Красной армии, сколько тому, что солдаты советской армии героически отстояли оборону Севастополя, Одессы, упорно боролись с захватчиком под Москвой, в районе Ржева и Ленинграда. Плакат В. Соколова и П. Судакова «Великой родины хвала их окрыляет величаво» посвящен завершению сражения на Курской дуге, которое стало коренным переломом в истории Великой Отечественной войны.

К группе, «разоблачающей» врага, можно отнести плакаты, на которых враг изображался в сатирической форме. Например, плакат «Аттестат зверости» художников Кукрыниксов⁷ поделен на шесть коллажей, где враги изображены в карикатурной форме: у них длинные носы, непропорционально прорисованное тело. Четверостишия к плакату не лишены сатиры: «Юный фриц, любимец мамин. В класс идет держать экзамен, задают ему вопрос: – Для чего фашисту нос? Отвечает фриц мгновенно: – Чтоб вынюхивать измену и строчить на всех донос. Вот зачем фашисту нос!». Художники изображали не только бойцов вражеской армии, но и действующую власть фашистской Германии. Плакат А. Радакова «Крест на крест» – яркий тому пример. Гитлер на плакате изображен карикатурно: глаза не прорисованы, вместо них всего лишь сплошная линия, тело изображено непропорционально.

⁷ Творческий коллектив графиков и живописцев (псевдоним по первым словам фамилий): Куприянов Михаил Васильевич, Крылов Порфирий Никитич, Соколов Николай Александрович.

П. Соколов-Скала
Плакат «Вперед, к победе!»

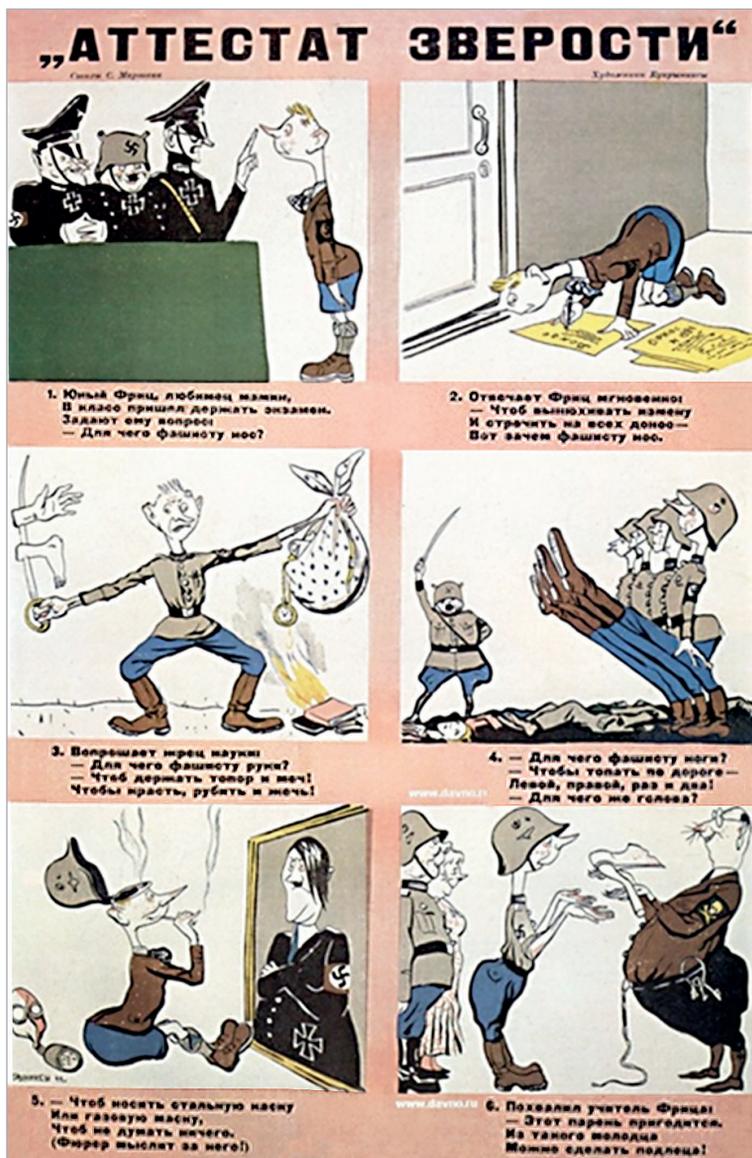

В. Соколов, П. Судakov
Плакат «Великой Родины хвала
их окрыляет величаво»

Примером также может послужить цикл плакатов «Наша азбука» – плакат М. Соловьева «П – погром изложенная кратко, программа нового порядка» изображает вражескую армию, которая вывозила музейные ценности с оккупированных территорий Советского Союза. В плакате Д. Мельникова «Т – тевтонской рыцарской свинье тонуть случалось в полынье» проведена параллель между рыцарями Тевтонского ордена и гитлеровской армией. На изображении видно, как русская армия наступает на врагов и одерживает над ними победу. В плакате П. Саркисяна «Ч – Чернилами стреляет враль, чужих полков ему не жаль» подчеркивается лживый характер сообщений вражеской армии о потерях советских войск на фронтах.

К «народной» группе можно отнести плакаты, которые изображают быт тыловиков и их подвиги, которые олицетворяют разные исторические периоды нашей страны и указывают на особо важную роль русского народа. Например, плакат «Русский народ» художников Кукрыниксов поделен на четыре коллажа, которые олицетворяют разные исторические периоды нашей страны и указывают на особо важную роль участия в них русского народа. Плакат «Народные мстители»⁸ художников Кукрыниксов лишен обычного четверостишия, но изображения, которые разделены на три части, посвящены партизанскому движению, которое на протяжении войны играло особую роль в борьбе с врагом.

⁸ Окна ТАСС. 1941–1945...

Кукрыниксы. Плакат «Аттестат зверости»

В так называемой группе тылового плаката преобладала тематика, ориентированная население на восстановление народного хозяйства и активную помощь советской армии. В плакате Г. Савицкого «В освобожденных районах» показана помощь солдат Красной армии колхозу. К. Вялов в плакате «Ускорим победу» агитировал трудящихся на «трудовую атаку», «поддержку боевого пыла» на фронте.

Плакат В. Люшина «Трудящиеся освобожденных от немецких захватчиков городов и сел» призывал трудящихся активнее восстанавливать разрушенное народное хозяйство.

Помимо агитационной деятельности ТАСС занимался обеспечением фронтовой информацией советской и заграничной печати.

А. Радаков
Плакат «Крест на крест»

М. Соловьев
Плакат «П – “погром” – изложенная
кратко программа “нового порядка”»

Для решения поставленной задачи работали редакции иностранной информации, контрпропаганды и союзной информации. Каждая из этих редакций выпускала свои вестники, сообщения которых, как и плакаты, выполняли агитационную функцию. Так, например, в «Вестнике фронтовой информации», как правило, передавались рассказы о мирном населении на оккупированных тер-

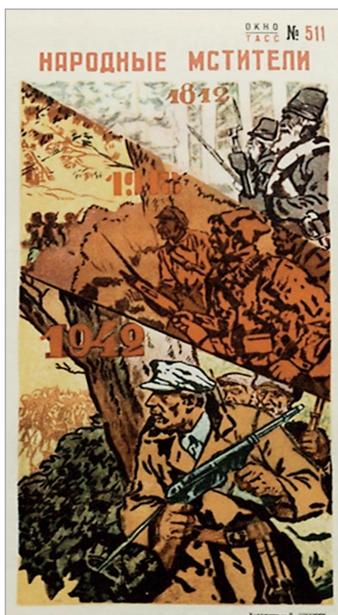
В. Мельников
Плакат «Т – тевтонской рыцарской
свинье тонуть случилось в полынье»

П. Саркисян
Плакат «Ч – чернилами стреляет
вразь – чужих полков ему не жаль»

Кукрыниксы
Плакат «Русский народ»

Кукрыниксы
Плакат «Народные мстители»

риториях. Некоторые выпуски вестников были посвящены героям тыла. В частности, история польской крестьянки Анны Рутковской: она сняла 32 мины, которые поставили немцы на улице деревни и дороги, чтобы задержать продвижение Красной армии⁹. В «Вестнике иностранной информации» ТАСС новости были посвящены событиям, происходившим за границей. В «Вестнике контрпропа-

Г. Савицкий
Плакат «В освобожденных районах»

К. Вялов
Плакат «Ускорим победу»

⁹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 104.

В. Люшин

Плакат «Трудящиеся освобожденных от немецких захватчиков городов и сел...»

ганды» информация передавалась по радио, причем строго предназначенной стране. Выпуск «Философия от нужды» от 25 марта 1944 г. был адресован Германии и посвящен статье Геббельса в последнем номере «Das Reich». Основная мысль выпуска: если ранее Геббельс рассуждал о шансах фашистской Германии одержать победу, то после стремительного наступления Красной армии на юге он выражает более философские мысли об исходе войны¹⁰.

После победоносного для СССР завершения Великой Отечественной войны перед ТАСС возникла новая информационная задача – организация в Берлине аппарата советской информации. Однако ЦК ВКП(б) признало это предложение нецелесообразным, так как в Берлине уже было создано бюро информации Советской военной администрации.

Таким образом, Телеграфное агентство Советского Союза сыграло роль главного источника информации в годы войны. Прежде всего ТАСС изменил структуру Агентства и специализировал ее для решения основных задач по снабжению информацией населения как внутри страны, так и за рубежом. Были открыты такие редакции, как иностранные, союзной информации, контрпропаганды.

Являясь центральным информационным органом, ТАСС обеспечивал советскую и зарубежную печать оперативной информацией с фронтов войны, распространял информацию как внутри страны, так и за рубежом, а также обеспечивал фронт и тыл наглядной агитацией посредством плакатов и фотографий. Для реше-

¹⁰ Там же. С. 222.

ния данных задач ТАСС выпускал Вестники, которые подразделялись на тематические группы иностранной информации, фронтовой и контрпропаганды.

В агитационной деятельности ТАСС ссылался на традицию «Окон» РОСТА, выпуская плакаты «Окон» ТАСС. По мнению автора можно выделить четыре группы плакатов («народная», «тыловая», «фронтовая», «разоблачающая врага»), благодаря которым, на наш взгляд, СССР удалось реализовать успешную агитационную деятельность в годы ВОВ. Стоит также отметить, что подобная агитационная тактика была выбрана верно, ведь плакаты по структуре представляли лаконичное и красочное изложение информации. Плакаты были посвящены разным темам, наполнены отличным содержанием: от сатиры до фронтовой информации. Контекст плакатов с событиями войны менялся, что подтверждает тезис о том, что плакаты – своеобразная летопись Великой Отечественной войны. Если в первые годы войны плакаты посвящены в основном оборонной тематике, где армию и население агитируют на борьбу с врагом, то на завершающем этапе войны выпускались плакаты, повествующие о победах Красной армии и о необходимости восстановления народного хозяйства населением.

А.С. Стыценко

Деятельность Спецгруппы по увековечиванию памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы в 1976–1989 гг.

В статье анализируется деятельность специальной группы по созданию экспозиций в международных мемориальных музеях и приведению в порядок памятных мест, направленная на сохранение у советских граждан памяти о Второй мировой войне. Изучается взаимодействие специальной группы с руководством СССР и директорами европейских музеев, анализируется роль советских государственных служащих в функционировании специальной группы.

Ключевые слова: Обелиск-Центр, политика памяти, акторный подход, Великая Отечественная война

Исследование формирования исторической памяти через создание мемориалов – это вопрос, которым часто задаются историки, однако в науке не существует работ, посвященных изучению деятельности организации, которая занималась созданием памятников советским воинам, погибшим в Великой Отечественной войне – Обелиск-Центру. Этот центр по созданию и обновлению памятников основан в 1976 г., когда приказом Министерства культуры СССР № 398 от 09.06.1976 г. была сформирована специальная группа из девяти человек, задачей которой стало конструирование новых экспозиций в международных мемориальных музеях для приведения в порядок памятных мест и проведения других мероприятий, направленных на формирование исторической памяти у советских граждан¹. Целью данной работы является анализ деятельности специальной группы по созданию экспозиций в международных мемориальных музеях и благоустройству памятных

¹ Справка о работе центра по увековечиванию памяти советских воинов и граждан за рубежом (до ноября 1989 г. – Спецгруппа по увековечиванию памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы) при Министерстве культуры СССР // ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына». Ф. «Центр по сохранению памятников и воинских захоронений за рубежом “Обелиск-Центр”». Оп. 1. Д. 1.

© Стыценко А.С., 2022

Исследование проводится в рамках проекта «Институционально-правовые и дискурсивные основания интерпретации истории в публичном поле. К вопросу о феномене исторической политики» при поддержке гранта по итогам «Проектные научные коллективы РГГУ – 2021».

мест, посвященных Второй мировой войне с позиции акторного подхода.

С 1976 г. и начинается история работы этого центра, однако идея его создания появилась годом ранее². Реализацией данной идеи занималось высшее руководство страны. Так, в 1975 г. заместитель министра культуры СССР В.И. Попов обратился к заместителю председателя Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся с просьбой передать помещение в самом центре Москвы по адресу: ул. Горького, 6 для размещения группы по созданию и обновлению экспозиций советских разделов мемориальных музеев и проектированию мемориалов памяти советских граждан, погибших во время Великой Отечественной войны³. Тем самым была продемонстрирована инициатива к сохранению исторической памяти к Великой Отечественной войне. В скором времени был выдан ордер на помещение⁴.

В конце 1970-х гг. начинается полноценная деятельность специальной группы. Так, в период с 1977 по 1980 г. велись подготовительные работы по созданию стационарной экспозиции советского раздела в Государственном музее в Освенциме. В 1979 г. был создан документальный фильм «Память народная»⁵. Были созданы и установлены два памятника в Нидерландах, изготовлен барельеф для памятника на месте захоронения Ф.А. Полетаева, советского солдата, участника сопротивления Италии⁶. Началась работа по учету мест, посвященных советским воинам, погибшим на территории европейских стран, были разработаны проекты трех памятников на местах захоронения советских граждан во Франции⁷. В начале 1980-х гг. группой были изготовлены и установлены два памятника советским воинам в Финляндии, памятник в Бонне, на тот момент столице ФРГ⁸. Была подготовлена и открыта стационарная экспозиция Советского Союза в Международном музее европейского антифашистского Сопротивления в ГДР⁹. Осуществлена реставрация памятника на месте захоронения 65 тысяч советских военнослужащих в бывшем нацистском концлагере в г. Штукенброке¹⁰. Также в это время разрабатывались проекты памятников советским воинам, был создан документальный фильм «Добрый день, человек»¹¹.

К сорокалетию Победы над гитлеровским режимом в Европе специальной группой Всесоюзного производственно-художественного комбината проводится работа по подготовке и изданию первого выпуска каталога «Памятники и памятные места борьбы советских граждан против фашизма на территории ГДР». Перед группой возник ряд вопросов, в том числе вопрос о финансировании, с которыми они обратились к заместителю Министра культуры СССР¹². Представители специальной группы обосновывали значимость данного издания тем, что ранее опубликованные материалы о памятниках и памятных местах носили отрывочный характер, поэтому необходимо новое издание, которое объединит всю информацию и послужит увековечиванием памяти советских граждан, павших в борьбе с Гитлеровским режимом, а также покажет решающий вклад советского народа в Победу над нацистской Германией¹³.

² Письмо зам. министра культуры СССР В.И. Попова о передачи помещения, 21 октября 1975 г. // Там же.

³ Там же.

⁴ Ордер № 001227 на занятие помещения, 11 июня 1990 г. // Там же.

⁵ Справка о работе центра по увековечиванию памяти советских воинов и граждан за рубежом (до ноября 1989 г. – Спецгруппа по увековечиванию памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы) при Министерстве культуры СССР // Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Письмо заместителю министра культуры СССР т. Иванову Г.А. о подготовке общественно-политического издания «Памятники и памятные места борьбы советских граждан против фашизма в Европе в 1941–1945 гг.» // Там же. Д. 2.

¹³ План-проспект общественно-политического издания «Памятники и памятные места борьбы советских граждан против фашизма в Европе в 1941–1945 гг.» // Там же.

В 1985 г. была открыта постоянная экспозиция советского раздела в Государственном музее в Освенциме¹⁴, создан и установлен памятник в Гамбурге, изготовлены гранитные изделия для двух памятников советским гражданам – участникам греческого сопротивления¹⁵. Были выпущены памятные медали в футлярах тиражом 10 000 штук, посвященные наиболее крупным памятникам советским воинам-освободителям в городах европейских стран, большая часть медалей была передана безвозмездно Советскому комитету ветеранов войны¹⁶. Были созданы аудиовизуальная установка и слайд-фильм «Давайте защитим людей». Проводились и другие действия, направленные на увековечивание памяти советских воинов в Европе¹⁷.

В 1986 г. открылась постоянная экспозиция советского раздела, посвященная памяти советских узников бывшего концлагеря в Равенсбрюке. Была завершена работа по созданию документального фильма «Не повторить ошибку» и возведен памятник советским воинам в Дании. В 1987 г. были открыты памятник советским гражданам – узникам концлагеря «Дахау», экспозиция советского раздела в музее Сопротивления в Бельгии. Фотовыставку «Война глазами советского солдата 1941–1945 гг.» отправили в Лондон¹⁸. В 1988 г. была изготовлена бронзовая доска в честь советских офицеров, казненных в концлагере Заксенхаузен, а также была представлена экспозиция советского раздела в Государственном музее Штуттхоф в Польше¹⁹. В 1989 г. на месте массового захоронения советских военнопленных в Генке установили монумент, созданы экспозиция советской выставки в Национальном музее войны и Сопротивления Нидерландов и фильм «Слушайте и смотрите!» и слайд-фильм «Память»²⁰. В 1990 г. были разработаны проекты, открыты памятники советским людям, участникам Движения сопротивления в Бельгии. Экспонаты передали и установили живописную панораму «Битва за Берлин» в музее Крылья Освобождения»²¹. Также в годы позднего СССР проводились и другие мероприятия, направленные на увековечивание памяти советских граждан, сражавшихся с нацизмом.

В 1989 г. бывшая специальная группа по сохранению и обновлению памятников советским воинам была переименована в Центр по увековечиванию памяти советских воинов и граждан за рубежом, а с 1992 г. стала называться Центром по сохранению памятников и воинских захоронений за рубежом «Обелиск-центр». У организации появился устав, в котором прописываются основные цели и задачи Центра, направленные на сохранение исторической памяти к советским воинам, павшим во время Великой Отечественной войны. А также прописываются положения организации, ее производственно-экономическая деятельность, ее имущества и средства²². С этого времени начинается новый этап в истории Обелиск-центра, который связан уже с новой страной – Российской Федерацией.

Подводя итоги, можно отметить, что во время брежневской эпохи, когда запрос на формирование исторической памяти у правительства СССР был на подъеме, происходит создание специальной

¹⁴ Письмо Директору Государственного музея «Освенцим» т. Казимежу Смоленю, 21 августа 1984 г. // Там же. Д. 22.

¹⁵ Справка о работе центра по увековечиванию памяти советских воинов и граждан за рубежом (до ноября 1989 г. – Спецгруппа по увековечиванию памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы) при Министерстве культуры СССР // Там же. Д. 1.

¹⁶ Задание на создание 4-х памятных медалей, посвященных борьбе советских граждан против фашизма в странах Европы, 1984 г. // Там же. Д. 3.

¹⁷ Справка о работе центра по увековечиванию памяти советских воинов и граждан за рубежом (до ноября 1989 г. – Спецгруппа по увековечиванию памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы) при Министерстве культуры СССР // Там же. Д. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ О передаче экспонатов на постоянное хранение, 2 ноября 1990 г. // Там же. Д. 23; Справка о работе центра по увековечиванию памяти советских воинов и граждан за рубежом (до ноября 1989 г. – Спецгруппа по увековечиванию памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы) при Министерстве культуры // Там же. Д. 1.

²² Устав Центра по сохранению памятников и воинских захоронений за рубежом Министерства культуры Российской Федерации, 19 февраля 1992 г. // Там же.

группы по увековечиванию памяти советских граждан, сражавшихся с фашизмом на территории стран Европы, история Великой Отечественной войны становится более открытой и возрастает необходимость увековечивания подвигов советского народа. В это время деятельность специальной группы была необычайно важна в идеологическом плане и поэтому ее созданием занимались на высоком уровне руководства страны. Создание памятников советским воинам и экспозиций в музеях стран Европы помогало сохранить память о подвигах советских солдат в борьбе с режимом Гитлера и демонстрировало устойчивый курс правительства Страны Советов на сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Тем самым у населения формировалось почитание подвигов советского народа в годы войны, а также миру транслировался курс на увековечение истории Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Т.Ю. Сидорова

Политика памяти о холокосте в современной России: особенности и перспективы, 2000–2021 гг.

Проблемой настоящего исследования является репрезентация трагедии холокоста в государственной политике памяти современной России. Источниковую базу исследования составляют выступления представителей власти РФ в отношении данной проблемы. Холокост оказал влияние на весь современный мир, в том числе и Россию, где дискуссия об общих страницах исторического прошлого ведется сквозь призму определенной этической системы. Данная проблема является актуальной, поскольку только в начале XXI в. государственные органы начали говорить о холокосте открыто после долгих лет советского замалчивания трагедии. Статья посвящена анализу деятельности государства в отношении политики памяти о холокосте. В работе выявлены особенности репрезентации холокоста в России, а именно рассмотрения ее через призму заслуг Красной армии и включение холокоста в трагедию Великой Отечественной войны. Данные особенности могут быть выявлены из выступлений представителей РФ на международных форумах и официальных заявлений в СМИ. Также в статье упоминаются законодательные инициативы в адрес данной проблемы и их практическое применение.

Ключевые слова: политика памяти, холокост, современная Россия, *memory studies*, антисемитизм, государственная политика

Невозможно оправдать тотальность преступлений немецких национал-социалистов и их союзников. Холокост с его экстремальным насилием в виде массовых убийств представляет собой поворотный момент в истории человечества, который обуславливает новые вызовы государственной политике памяти. Он оказал влияние на весь современный мир, в том числе и на Россию, где дискуссия об общих страницах исторического прошлого ведется сквозь призму определенной этической системы.

© Сидорова Т.Ю., 2022

Статья подготовлена в рамках проекта «Институционально-правовые и дискурсивные основания интерпретации истории в публичном поле. К вопросу о феномене исторической политики, конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ–2021».

Первым знаковым событием XXI в. в отношении холокоста стало участие России в Стокгольмской конференции 27 января 2000 г., где обсуждались формы коммеморации холокоста и соответствующей педагогической работы. Участие в данном форуме от России принимала Валентина Ивановна Матвиенко, на тот момент занимавшая должность заместителя председателя правительства РФ. Россия была одной из немногих стран на конференции, представленной не на уровне президента или премьер-министра. В.И. Матвиенко выразила открытость России к диалогу и готовность принять участие в деятельности Международной группы по воспитанию, сохранению памяти и исследованию холокоста¹. Казалось бы, такое выступление открывало огромные перспективы для развития политики памяти холокоста в России после долгих лет советского замалчивания этой трагедии. Но на родине Матвиенко подверглась критике в националистической и коммунистической прессе, в заголовках статей ее называли «Шиндлером в юбке».

Участие России в Стокгольмской конференции дало новый импульс для реализации создания в Москве музея «Геноцид–Холокост–Толерантность», попытки создания которого длились на протяжении почти 10 лет. В 2001 г. фонд «Холокост» разработал концепцию музея, которую поддержали ряд крупных бизнесменов и вице-премьер В.И. Матвиенко. Уже в следующем году Министерству культуры была поручена проработка концепции будущего музейно-образовательного комплекса, но под разными предложениями министерство не смогло выполнить свою работу. Только после привлечения международной общественности в 2003 г. президент В.В. Путин объявил об открытии экспозиции холокоста в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе через 5 лет². И хотя в 2008 г. экспозиция действительно открылась, она была посвящена холокосту лишь частично, когда предполагалось отражение темы в обновленной экспозиции всего музея.

В 2005 и 2006 гг. лидеры государства, президент и председатель Совета Федерации, приняли участие в международных форумах по холокосту в Кракове и Киеве. Постоянный представитель ООН от РФ был в числе тех, кто внес на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН резолюцию о холокосте³. Но в то же время Россия до сих пор не ввела национальный день памяти жертв холокоста. В 2011 г. Администрация президента РФ высказала мнение, что в России уже есть день почтения памяти, посвященный всем жертвам войны – День памяти и скорби 22 июня⁴.

В 2015 г. по инициативе Российского Еврейского Конгресса, Центра «Холокост» и правительства Москвы в школах столицы были проведены тематические уроки, посвященные дню памяти жертв холокоста. Годовщина освобождения Аушвица (Освенцима) впервые отмечалась в России на государственном уровне. Однако электронные СМИ сразу же восприняли эти мероприятия крайне неодобрительно. Можно было увидеть заголовки о том, что «холокост не имеет отношения к России»⁵. Более того, национальные мероприятия вызвали неоднозначную реакцию среди политических партий и общественных деятелей, что неудивительно, ведь среди

¹ Из выступления заместителя Председателя Правительства Российской Федерации В.И. Матвиенко на Международной конференции по Холокосту в Стокгольме // Антисемитизм: концептуальная ненависть. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2009. С. 10.

² *Альтман И.А.* Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое лит. обозрение, 2005. С. 509.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 2005 года № A/RES/60/7 «Память о Холокосте» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/> (дата обращения 10.02.2021).

⁴ *Altman Ija.* Der Stellenwert des Holocaust im historischen Gedächtnis Russlands // Erinnerung an Diktatur und Krieg: Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945. (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte. Band 107) / Hrsg. von Andreas Wirsching, Jürgen Zarusky, Alexander Tschubarjan, Viktor Ischtschenko. München: De Gruyter Oldenbourg, 2015. S. 215.

⁵ *Альтман И.А.* Указ. соч. С. 155.

политических организаций можно было заметить антисемитские настроения и раньше. Так, например, в 2001 г. на заседании Госдумы партия ЛДПР отказалась почтить минутой молчания память жертв холокоста⁶. В 2007 г. среди депутатов Государственной Думы был проведен опрос, результатами которого оказалось непринятие введения специальной уголовной ответственности за отрицание холокоста. Депутаты считали, что эту трагедию не стоит выделять среди других преступлений фашизма⁷.

Также можно привести в пример молодежную организацию «Молодая гвардия Единой России». В 2009 г. юный гвардеец опубликовал на сайте правящей партии статью об отрицании холокоста. Несмотря на быстрое удаление статьи и осуждение гвардейца высокопоставленными лицами, инцидент все равно получил широкий общественный резонанс.

Можно найти скрытое противодействие теме холокоста при реализации государственных программ и стандартов. Термин «холокост» отсутствовал в федеральной программе толерантного сознания, проводившейся в 2002–2005 гг. при государственной поддержке. Но первой книгой, изданной в рамках этой программы, стало учебное пособие для вузов «Холокост и еврейское сопротивление» (М., 2002)⁸. Термин вошел в проект образовательных стандартов по всеобщей истории для средних школ. Сегодня многие институты и центры проводят занятия повышения квалификации педагогов по теме холокоста. Но в то же время Россия до сих пор не является членом Международного альянса памяти о холокосте (ранее – «Таск Форс»), проводящей образовательные программы для преподавателей.

В 2014 г. вступила в силу статья 354.1 УК РФ о реабилитации нацизма⁹. Была установлена ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, в частности факта истребления в период 1933–1945 гг. 6 млн евреев. За год после принятия статьи было зарегистрировано четыре преступления, по трем из которых были возбуждены уголовные дела¹⁰. В основном под статью попадает оскорбление или обесценивание ветеранов войны и обожествление личности Гитлера. Однако существует несколько дел об отрицании холокоста. Так, в 2020 г. в Удмуртской Республике было возбуждено уголовное дело о реабилитации нацизма. Житель Ижевска разместил в одной из социальных сетей материалы, содержащие отрицание фактов преследования и массового уничтожения евреев во время Второй мировой войны¹¹. 16 февраля 2021 г. он был признан виновным. Мужчине назначено наказание в виде двух лет лишения свободы условно с испытательным сроком два года. Также он лишен права размещать обращения и другие материалы в сетях общего пользования, включая Интернет, сроком на один год. Это первый случай в истории современной России, когда по данной статье было применено лишение свободы¹². Самым распространенным наказанием по этой статье является штраф в размере от 120 до 150 тыс. рублей. Тем не менее есть случаи оправдательных приговоров. Как, например, с делом Романа Юшкова, который в 2018 г. сделал репост ста-

⁶ Несколько десятков депутатов наотрез отказались почтить память жертв Холокоста [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2001/04/19/jirinovsky> (дата обращения 10.02.2021).

⁷ Полян П.М. Между Аушвицем и Бабым Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М.: РОССПЭН, 2010. С. 457–477.

⁸ Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР / Под ред. проф. А.Г. Асмолова. М.: Фонд «Холокост», 2002. С. 320.

⁹ Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/05/07/nakazanie.html> (дата обращения 10.02.2021).

¹⁰ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения 07.11.2021).

¹¹ В Ижевске возбудили дело за отрицание в соцсетях Холокоста [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2020/10/28/reg-pfo/v-udmurtii-zaveli-delo-za-otricanie-v-socsetiah-holokosta.html> (дата обращения 10.02.2021).

¹² Житель Ижевска осужден за реабилитацию нацизма [Электронный ресурс] // ИА Regnum URL: <https://regnum.ru/news/accidents/3192348.html> (дата обращения 17.02.2021).

тьи под названием «Евреи! Верните немцам деньги за мошенничество с Holocaust six millions jews»¹³.

Несмотря на то что сегодня до сих пор можно услышать отрицающие холокост высказывания от государственных деятелей, можно увидеть существенное развитие политики памяти о холокосте в России. При поддержке Правительства Москвы и Федерального агентства по делам национальностей России уже седьмой год Российский еврейский конгресс и Центр «Холокост» организуют ежегодную неделю памяти жертв холокоста, а президент РФ В.В. Путин посещает большинство всемирных форумов, посвященных памяти жертв этой трагедии.

Можно сделать вывод, что главной особенностью политики памяти о холокосте в России является рассмотрение трагедии через призму заслуг Красной армии. А именно освобождение советскими войсками лагеря смерти Аушвиц. Можно сделать вывод, что до сих пор в дискурсе власти современной России нет причин выделять отдельных жертв Великой Отечественной войны, так как Красная армия сражалась за весь советский народ, за Родину, а не за спасение отдельного этноса. Отсюда становится ясно, почему до сих пор нет государственных экспозиций о холокосте, а 27 января до сих пор не признано национальной датой.

В западной историографии холокост рассматривается в качестве феномена, лежащего в рамках Второй мировой войны, однако он исследуется как отдельная трагедия. Это же следует сделать для российских учебных пособий для школ и вузов, где холокост не выносится как отдельная трагедия.

Нет вопроса, сохранится ли память о холокосте после того, как уйдут ее живые носители. Вопрос звучит иначе: какая будет эта память, когда она целиком перейдет в стадию культурной памяти. И именно такие мероприятия позволят противодействовать искажению памяти об одной из самых страшных трагедий XX в.

¹³ «По рублю за каждую еврейскую душу». Пермь требует от властей компенсацию за преследование по делу о Холокосте [Электронный ресурс] // Idel.Реалии. URL: <https://www.idelreal.org/a/30328246.html> (дата обращения 10.02.2021).

Н.С. Арсеньев

Возрождение российского казачества как механизм реконструкции культурной памяти: к постановке проблемы

Проблема возрождения российского казачества обзорно рассмотрена в конструктивистской парадигме в контексте культурной памяти на материале связанных с ней научной литературы, интернет-ресурсов (интервью, выступления и обращения участников возрождения казачества, посты на их личных страницах и в их сообществах в социальных медиа, статьи на официальном сайте МОКО ВКО «ЦКВ») и опыта участия автора в движении за возрождение казачества в 2016–2020 гг. Обстоятельства проблемы определены посредством отнесения материала к типам, в качестве которых выбраны концепции: сущности культурной памяти (Я. Ассман); соотношения культурной памяти с другими формами памяти (А. Ассман); некоторых из основных составляющих специфики современной возрождению казачества памяти (травма и ностальгия, мемориальный аспект постмодерной культуры, поддержание памяти в постаграрном обществе, «мемориальный бум», интеграция). Посредством постановки вопросов и подбора концепций для исследования обстоятельств предложены направления исследования данной проблемы. Выявлено, что возрождение российского казачества является механизмом реконструкции его культурной памяти, пересобирающим, адаптирующим и реактуализирующим ее в соответствии с современным состоянием казачества и условиями его существования; в процессе этого возрождения наблюдается тенденция к интеграции культурной памяти локальных казачьих сообществ, обусловленная: отмеченным в этой связи О.В. Рвачевой наличием в памяти всех казачьих общностей общей актуальной травмы советского рассказывания, придающей культурной памяти казачества новую общую историческую перспективу; интеграцией их культур. Проблема актуальна и значима как феномен «мемориального бума», свидетельствующий о присутствии обращенности к памяти о прошлом в современной культуре.

Ключевые слова: возрождение казачества, культурная память, реконструкция, современное казачество, Россия, изобретение традиций, современная память

Российское казачество переживает на наших глазах период возрождения. По мнению Я. Ассмана, обновления и возрождения всегда выступают в форме обращений к прошлому, преодолевающих разрыв с ним, находящимся в культурной памяти¹. Так, состояние возрождения, в котором находится современное российское казачество, является условием и механизмом продуцирования культурной памяти этой общности. Однако мы видим две причины, по которым в случае возрождения российского казачества будет неверно считать это продуцирование созданием культурной памяти «с чистого листа» (пусть бы и с использованием подлинных артефактов дореволюционного казачества в качестве материала).

1. Временной разрыв меж периодами рассказывания и возрождения казачества (окончание первого – 1920-е или 1930-е гг.; а если учесть «сталинское казачество», 1950-е гг.), начало второго – конец 1980-х гг. (а если учесть предвадившее его возрождение певческой традиции донских казаков молодежным фольклорным движением 1970-е гг.), таким образом, разрыв составляет ок. 30–70 лет² и находится на грани интервала достаточного для сохранения коммуникативной памяти при прочих благоприятных обстоятельствах, не бывших, конечно, таковыми, но все же позволивших сохраниться потокам памяти в некотором виде и степени в отдельных семьях и местах проживания казаков (преувеличение степени этой преимущества грозит исследователю переходом на позицию этнометодологии, но и полное ее отрицание делает научное моделирование «оторванным от реальности»).

2. Это возрождение отсылает к эпохам, в последние из которых – XIX и первую половину XX в. – научно-техническое состояние было уже удовлетворительным для относительно тотальной, массовой и адекватной/достоверной экстериоризации не только артефактов, к которым отсылала коллективная память, но и самой этой памяти. Возрождение же происходит при современном состоянии науки и техники, в еще большей степени релевантном для ее обратной интериоризации.

Так, О.В. Рвачева констатирует, что в результате политики рассказывания в XX в. в отношении казачества создалась ситуация «перерыва в транслировании традиционной культуры казаков. <...> Вместе с тем казачья культура на протяжении всего советского периода в среде казачьего сообщества сохранялась на бытовом уровне, а также потомки казаков сохраняли память о своем казачьем происхождении. В совокупности с историко-этнографическими исследованиями это давало возможность воспроизведения казачьей культуры в реальности»³. Поэтому в контексте культурной памяти казачества мы понимаем его возрождение как ее реконструкцию. Последнюю же имеем в виду в обоих смыслах этого слова: пересборка существующего; воссоздание уже не существующего. В первом смысле о подлинности реконструкции говорить некорректно, во втором же делать это необходимо весьма осторожно и относительно, понимая ограниченность ее методов и условий в которых она происходит, и субъективность целеполагания ее

¹ См.: Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: ЯСК, 2004. С. 32–33. Далее культурная, коллективная и коммуникативная память понимается нами в значении, употребляемом Я. Ассманом, также там, где это указано, культурная память понимается нами в значении, употребляемом А. Ассманом.

² См. подробнее о датах и событиях: окончания рассказывания: *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Рассказывание на Юге России в 1930-х гг.: Исторические мифы и реальность // Отечественная история. 2008. № 5. С. 97–108; начала возрождения казачества: *Рвачева О.В.* Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4. С. 124–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-za-vozrozhdenie-казачества-na-yuge-rossii-v-nachale-1990-h-gg-organizatsionnye-formy-idei-i-uchastniki-protessa> (дата обращения 29.03.2021); предвадившего его возрождения певческой традиции донских казаков молодежным фольклорным движением: *Рудиченко Т.С.* Возрождение культурных традиций в конце XX – начале XXI в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; ЮНЦ РАН; Волгогр. фил. РАН-ХиГС. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. С. 537–546.

³ *Рвачева О.В.* Память как фактор развития казачьего возрождения на Юге России [Электронный ресурс] // Память и памятники: Материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011 г. / Под ред. И.И. Курилы; предисл. И.И. Курилы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 125. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/Pamyat_i_pamyatniki_3.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

Приложение 1. Функциональная диаграмма возрождения российского казачества

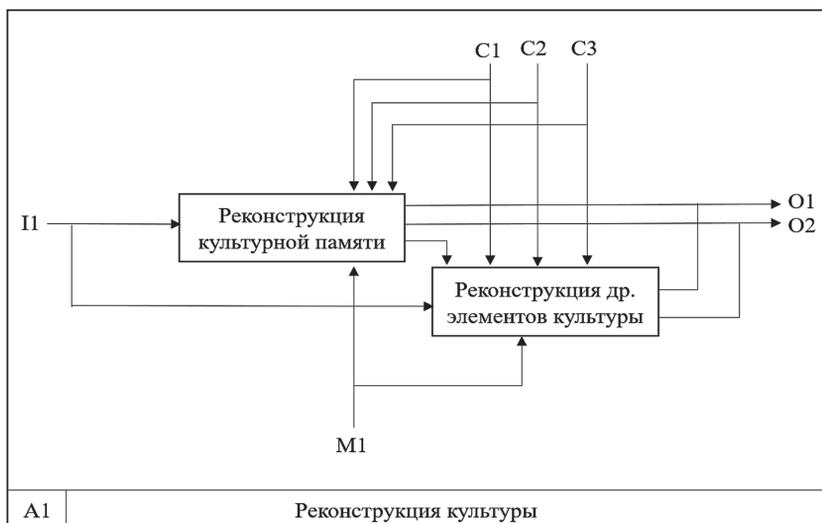
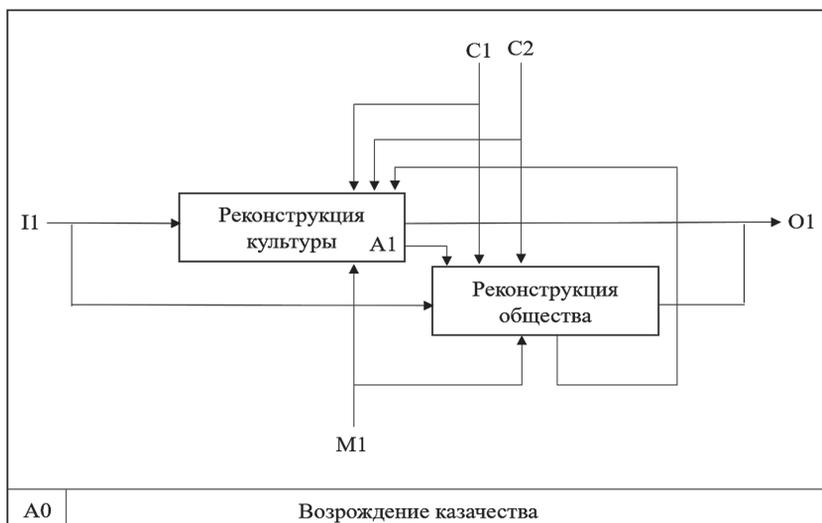
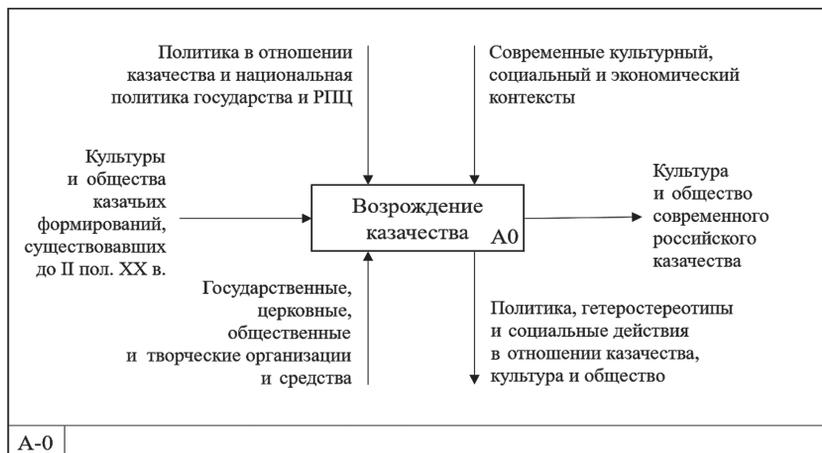

Диаграмма Н.С. Арсеньева в логике стандарта IDEF0.
Пересечения стрелок не означают их соединений

акторов, также приводящие в той или иной мере к ее пересборке в целях адаптации. В обоих случаях эта пересборка может быть более или менее преднамеренно совершаемым его акторами или неосознанным, неожиданным и случайным процессом. Создаваемая же им новая структура культурной памяти может включать как существовавшие в ней до переструктурирования элементы и их отношения и функции, так и созданные или заимствованные в его процессе.

В целях обоснования такого подхода рассмотрим наше понимание возрождения как реконструкцию культурной памяти на примере традиции, относимой Я. Ассманом к элементам системы этой памяти, выполняющим в ней функцию поддержания воспоминаний⁴. По замечанию П. Берка, слабым местом в аргументации Э. Хобсбаумом его концепции «изобретенные традиции» является деление им традиций и работы с ними на два типа (адаптация старых и изобретение новых традиций), так как не представляется возможным провести грань меж этими типами работ, а следовательно, и между гибкостью и адаптируемостью старых традиций и новизной и сконструированностью изобретенных, а значит, и меж самими этими типами традиций, ведь «изобретение» – это процесс, который может быть более или менее преднамеренным или неосознанным и неожиданным⁵. О.В. Рвачева и П.Г.Ф. Лабрюни показывают, что в процессе возрождения казачества «проявился такой феномен, как “изобретение традиций”»⁶.

Наше понимание функции реконструкции культурной памяти в возрождении российского казачества мы показали на функциональной диаграмме⁷.

Разработанность проблемы

Некоторые части проблемы рассмотрены: проблема конструирования возрождающимся казачеством такого элемента своей памяти, как традиция – в упомянутой статье Рвачевой и Лабрюни; проблема травмы памяти возрождающегося казачества поставлена как проблема конструирования памяти в докладе Рвачевой⁸. Память российского казачества периода с начала его возрождения по наши дни является одной из тем, исследованием которых на материале Юга России систематически занимается Рвачева⁹. Также этой теме посвящены некоторые работы других исследователей¹⁰. Тема затрагивается и в других работах, как правило, посвященных памяти общностей, история которых связана с казаками¹¹, и памяти в регионах компактного проживания казаков¹². Ряд вопросов памяти периода до возрождения исследовался Е.М. Белецкой, Н.Н. Великой (фольклорная традиция) и О.В. Матвеевым (картина мира кубанских казаков)¹³. Охват работами как памяти возрождения, так и периода истории до него позволяет проанализировать возрождение на предмет реконструкции памяти методом сравнения его памяти с памятью предшествовавшего периода. Ввиду же находке-

⁴ См.: Ассман Я. Указ. соч. С. 35; Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2014. С. 52.

⁵ См.: Burke P. Shorter Notices [Электронный ресурс] // The English Historical Review. 1986. Vol. 101, № 398. P. 317. URL: <https://academic.oup.com/ehr/article-abstract/CI/CCCXCVIII/316-b/488647> (дата обращения 10.04.2021).

⁶ Рвачева О.В., Лабрюни П.Г.Ф. Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 203. URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/2355> (дата обращения 10.04.2021).

⁷ См.: Прил. 1.

⁸ См.: Рвачева О.В. Трагические события XX века и коллективная память казачества: постановка проблемы // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: Тезисы XXX Харакского форума 26–30 мая 2016 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: АРИАЛ, 2016. С. 158–162. URL: <http://charaxforum.cfuv.ru/pdf/sbornik-may-2016.pdf> (дата обращения 05.04.2021).

⁹ Публикации даны в хронологическом порядке: Она же. Память как фактор развития казачьего возрождения на Юге России...; Она же. Социальная память и история. Попытки методологического анализа казачьего возрождения [Электронный ресурс] // Проблемы истории, филологии, культуры, 2013. № 3 (41) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pamyat-i-istoriya-popytki-metodologicheskogo-analiza-kazachyego-vozhrozhdeniya> (дата обращения 30.11.2020); Она же. Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ.

ния этих вопросов в междисциплинарных исследовательских полях (memory studies и казачеведение) имеется обширный корпус научных и философских публикации по темам, на пересечении которых она находится.

Источниковая база

Источниками нашего исследования послужили связанные с его проблематикой научная литература (как вторичный источник), интернет-ресурсы (интервью, выступления и обращения участников возрождения казачества, посты на их личных страницах и в их сообществах в социальных медиа, статьи на официальном сайте Московского окружного казачьего общества войскового казачьего общества «Центральное казачье войско» (далее – МОКО ВКО «ЦКВ») и опыт участия автора в движении за возрождение казачества в 2016–2020 гг., частично зафиксированный в источниках, находящихся в его личном архиве).

Методология

В рамках статьи нам представляется возможным лишь совершить попытку внести вклад в постановку указанной в ее названии исследовательской проблемы, наметив контуры некоторых ее обстоятельств в считываемой в этом названии конструктивистской парадигме. Мы идентифицировали индивидуумов как казаков, а сообщества и организации как казачьи по их самоидентичности. Участников возрождения казачества мы идентифицировали по факту их участия в его процессе. Мы не проводили деление обстоятельств на внешние и внутренние, поскольку в данном случае считаем его упрощающим реальность, так как: в возрождении казачества участвуют акторы, как идентифицирующие, так и не идентифицирующие себя с казаками и могущие изменять свою самоидентичность и совмещать несколько самоидентичностей; относящиеся к рассматриваемым в статье обстоятельствам культурные признаки и социальные роли могут иметь (или и не иметь) как участники казачьего возрождения, так и акторы, имеющие с ними социальные связи.

Стремясь избежать разрыва герменевтического круга при определении обстоятельств поставленной и, следовательно, еще не (полностью) исследованной проблемы и следуя методу формулирования определений (отнесение определяемого к типу и определение специфики первого в последнем), мы использовали в качестве таких типов концепции: сущности культурной памяти (Я. Ассман); соотношения культурной памяти с другими формами памяти (А. Ассман); некоторых из основных составляющих специфики современной возрождению казачества памяти. Затем мы провели по источниковой базе исследования поиск свидетельств о случаях, которые можно описать этими концепциями.

2015. № 5 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pamyat-potomkov-kazakov-reprezentatsiya-sobytiy-i-obrazov> (дата обращения 15.02.2021); *Она же*. Практика мемориализации памяти о Гражданской войне с участием в ней казачества в постсоветский период [Электронный ресурс] // Гражданская война в 1918–1923 гг. на территории Волгоградской области: проблема сохранения исторической памяти: материалы круглого стола / Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, Сектор межкультурных коммуникаций; сост. Н.Н. Козичук; ред. и отв. за вып. О.А. Лященко. Волгоград: Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, 2018. С. 8–11. URL: http://www.vounb.volgograd.ru/for_download/izdaniya/kruglyiy_stol_100_letiyu_grazhdanskoj_voynyi_materialy.pdf (дата обращения 20.04.2021); *Она же*. Гражданская война в исторической памяти потомков казаков // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): Материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 84–89; *Она же*. Возродить память о казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачьего возрождения на Юге России [Электронный ресурс] // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. С. 304–321. Режим доступа: по подписке. URL: <https://eupress.ru/ebook/351> (дата обращения 05.04.2021).

¹⁰ См., напр.: Венков А.В. Влияние современного казачьего движения на формирование исторической памяти в регионе [Электронный ресурс] // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 172–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovremennogo-kazachego-dvizheniya-na-formirovanie-istoricheskoy-pamyati-v-regione> (дата обращения 01.03.2021).

¹¹ См., напр.: Урушадзе А.Т. Па-

Реконструируемые таким образом случаи мы использовали в качестве иллюстраций, не претендующих на репрезентативность, но показывающих (хотя бы единичный) факт наличия описываемых данными концепциями феноменов в числе обстоятельств казачьего возрождения и, где это оказалось возможно, специфику этих феноменов в случае возрождения казачества или хотя бы один из имеющих в нем место ее вариантов, реализованный в используемом в качестве иллюстрации случае (специфика представлена неполно и описательно, ее полный анализ выходит за рамки постановки проблемы, являясь одним из направлений ее исследования). Анализ полученных иллюстраций позволил нам наметить возможные направления исследования рассматриваемой в статье проблемы: поставить ряд вопросов об иллюстрируемых ими феноменах и подобрать теоретическую основу, с помощью которой вероятностно их решение.

Опосредованность воспоминаний культурой

Действия возрождающих во многом зависят от их представлений о том, что они возрождают, и их отношения к его образу, складывающемуся из этих представлений, опосредованных культурой, хранящей в своих объектах память о возрождаемом, свидетельствующей и напоминающей о нем возрождающим, вынужденным черпать из нее представления о возрождаемом, при разрыве живой преемственности с прошлым. Память становится значимым смыслом объединения возрождающих, аспектом и элементом их культуры. Так, советник Верховного Атамана Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья» (далее – «СКВРиЗ») П.И. Платов, выступая на семинаре в нашем присутствии, отметил, что роман «Тихий Дон» М.А. Шолохова послужил образцом для участников возрождения казачества, как самый популярный и доступный источник о казаках того времени¹⁴. Это свидетельство может служить иллюстрацией столкновения находящихся вне научного сообщества участников возрождения с проблемой наивного¹⁵ использования художественного произведения как исторического источника. Специфику иллюстрации придает семиосфера, в которой был воспитан и жил в описываемое им время Платов: в ней статус классики имеют советские художественные тексты культуры, в той или иной степени преломляющие описываемое ими в призме советской идеологии. Также в совпавший с возрождением казачества период перестройки, вследствие отмены советской идеологии и снятия «железного занавеса», для граждан постсоветских стран стали массово доступны и вошли в их семиосферу (зачастую будучи некритично воспринятыми) тексты дореволюционной, эмигрантской и современной западной культур. Смешение признаков этих культур формирует на наших глазах новую культуру. Например: в сообществах казачьих националистов, ввиду следования ими общественному стереотипу, близкому ранним примордиалист-

мать полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе [Электронный ресурс] // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы... С. 250–278.

¹² См., напр.: *Пешиков И.О.* Граница как театр памяти: «неотступное прошлое» приграничных районов Забайкалья [Электронный ресурс] // Там же. С. 336–356; *Михалев А.В.* Часовые фронта: памяти агатаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья [Электронный ресурс] // Там же. С. 322–335.

¹³ См.: *Белецкая Е.М.* Исторические представления казачества // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круть, 2010. С. 655–684. Она же, *Великая Н.Н.* Военные события в истории России XIX – начала XX века и в песенном фольклоре терских казаков // *Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. С. 419–463; *Матвеев О.В.* Историческая картина мира Кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.

¹⁴ См.: *Арсеньев Н.С.* М.А. Шолохов в XXI веке (репортаж с семинара) [Электронный ресурс] // Свет станиц. 2019. № 2 (15). URL: <https://светстаниц.рф/st11> (дата обращения 12.04.2021).

¹⁵ Понятие «наивный» мы употребляем в научном контексте, подразумеваемом безоценочность.

ским концепциям этноса, имеют хождение работы эмигрантских и дореволюционных историков, содержащие нарративы о древнем и неславянском происхождении казаков в качестве признака того, что они являются народом¹⁶; либеральный активист и публичный эксперт казак П. Гнилорыбов в целях обоснования совместимости казачества с либерализмом конструирует исторический нарратив «Дон всегда был обителью воли и правды», иллюстрируя его двумя цитатами и указывая их источником «Законы, принятые нашим Войском в 1918 году». Первую цитату Гнилорыбов интерпретирует: «Полная свобода вероисповедания со строгим напоминанием, из какого древа мы выросли», из чего можно понять, что волю в этой иллюстрации он интерпретирует как свободу, а правду как историческую достоверность¹⁷.

Влияние этого культурного трансфера на представления возрождающих требует изучения. Данный вопрос является частью ставимой описанным в разделе обстоятельством перед исследователями задачи интерпретации воспоминаемого участниками возрождения казачества как коллективных представлений, продуцированных имеющимися в культуре их коллектива артефактами, детерминированных ее целями и ценностями и актуализированных прагматикой участников. При этом исследователю следует сохранять рекомендованную Е.А. Ростовцевым и Д.А. Сосницким «известную отстраненность от соблазнов конструирования истории» и использования ее в качестве эталона для оценки достоверности воспоминаний и избегать отмеченной ими практики подмены научного анализа культурной памяти сообщества пропагандой исследователем базирующихся на его политических взглядах представлений о ее устройстве и необходимых изменениях¹⁸. Теоретико-методологической основой для такого анализа могут послужить подходы социокультурной антропологии, интеллектуальной и новой культурной истории.

Соотношение с другими формами памяти и социальной реальности

Это обстоятельство обусловлено разъединенностью структуры возрождения казачества границами государств (и их автономных субъектов) и казачьих сообществ, являющейся последствием Исхода казаков (1920), распада СССР и множественности современных казачьих организаций и движений. Также параллельно возрождающемуся казачеству сосуществуют другие этничности (затронутые или не затронутые казачьим возрождением, некоторые из них переживают свое культурно-историческое национальное возрождение или народостроительство), в идентичности которых присутствует память о казачьей составляющей их истории. Применив модель форм памяти А. Ассман¹⁹ к этой ситуации, можно увидеть, что в ней культурная память является менее подверженной идеологизации и прагматичному использованию, чем памяти социальных групп и политических коллективов наций, и остается для казаков един-

¹⁶ См., напр.: Выдержки из произведения И.Н. Коноводова «Казачий Народ» Издание Казачье-Американского Народного Союза Нью-Йорк, Н.И., С.Ш.А. 1965 год [Электронный ресурс]. 25.03.2021 // ВКонтакте: Скифия. URL: https://vk.com/skythia?w=wall-153560651_4875 (дата обращения 18.01.2022); Взгляд историков на происхождение казаков [Электронный ресурс]. 11.11.2021 // Там же. URL: https://vk.com/skythia?w=wall-153560651_5644 (дата обращения 18.01.2022).

¹⁷ См.: Гнилорыбов П. В Воронеже вот зовут [Электронный ресурс]. 20.07.2016 // Facebook: Павел Гнилорыбов. URL: <https://www.facebook.com/gnilorybovp/posts/1237127079644434> (дата обращения 18.01.2022).

¹⁸ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Вып. 2. С. 110, 114 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniy-istoricheskoy-pamyati-v-rossii> (дата обращения 28.11.2020).

¹⁹ Ассман А. Указ. соч. С. 19.

ственным видом коллективной памяти, область действия которого превосходит границы их сообществ и государств их проживания. Так, при отсутствии устойчивых общественных связей и политического единства культурная память об общем прошлом становится главной (а в некоторых случаях и остается единственной) силой, поддерживающей этничность у участников возрождения казачества, относящихся к разным сообществам, и представителей других этнических общностей в России и за ее пределами. Например, в уставе актора возрождения казачества в Республике Калмыкия – организации «Казачье войско Калмыкии» 1994 г. ... предлагалось считать историю казачества «частью истории калмыцкого народа и России, дополняющих друг друга»²⁰. С.Ю. Белоруссова отмечает, что «сегодня большинство нагайбаков (в том числе и тех, кто не участвует в возрождении казачества) с достоинством и гордостью вспоминают о своих предках-казаках»²¹. Согласно результатам этнологического исследования Е.А. Агеевой и Е.С. Данилко, «наиболее полно составляющие групповой идентичности» этнолокальной группы проживающих в Средней Азии и Казахстане уральских казаков-старообрядцев «в номинационном аспекте выражаются фразой “Называемся мы уральские казаки-староверы”», связи этой группы «с прежней родиной практически утрачены, возрождения казачества, характерного для российского контекста, в этих краях также не наблюдается, тогда как вера служит для уральцев главной консолидирующей основой»²². Вместе с тем эта фраза показывает присутствие сознания себя казаками в идентичности группы. По Я. Ассману, идентичность формируется памятью²³. Следовательно, в памяти группы (в том числе, как можно предположить в данном случае, и на уровне культурной памяти) присутствует воспоминание о ее казачьем прошлом.

Но при этом, применив концепцию социального конструирования реальности (П. Бергер и Т. Лукман), можно констатировать, что культурная память не только является одной из сил, конструирующих реальность, но и сама обуславливается социальным конструированием. Являясь же видом коллективных представлений, культурная память находится в диалектических связях и с ними. Поэтому культурную память следует понимать как потенциальную силу, способную формировать и поддерживать этничность и социальные связи у участников возрождения казачества, относящихся к разным сообществам, и представителей других этнических общностей в России и за ее пределами. Работа этой силы зависит от того, используется и конструируется ли она сообществами и другими заинтересованными акторами и как. Так, по моим наблюдениям, казачьи памятные даты и мероприятия, имеющие коммеморативный аспект, включающий работу культурной памяти об общем прошлом (фестивали, концерты, богослужения, траурные и другие мероприятия), могут как объединять, так и разъединять представителей разных казачьих и связанных с ними сообществ. На этих мероприятиях можно видеть вместе представителей разных сообществ и слышать в речах их лидеров призывы солидаризироваться ради совместной акции памяти (соотношение стремле-

²⁰ Цит. по: Рвачева О.В. Движение за возрождение казачества в Калмыкии в конце XX – начале XXI в. [Электронный ресурс] // Вестник КИГИ РАН. 2016. Т. 9. № 2 (24). С. 42–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-za-vozrozhdenie-kazachestva-v-kalmykii-v-kontse-xx-nachale-xxi-vv> (дата обращения 15.02.2021).

²¹ Белоруссова С.Ю. Казачество в этничности нагайбаков [Электронный ресурс] // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: Диалог, 2016. С. 48. URL: https://www.academia.edu/32008516/Казачество_в_этноности_нагайбаков (дата обращения 05.04.2021).

²² Агеева Е.А., Данилко Е.С. Казаки-уральцы – этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане [Электронный ресурс]. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 10. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии, вып. 249). URL: <http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/№249.pdf> (дата обращения 05.04.2021).

²³ См.: Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin: De Gruyter, 2008. P. 109.

ния этих лидеров использовать таким образом культурную память в своих целях и ведомости их самих этой памятью в каждом случае может быть различно). Например, Верховный Атаман «СКВ-РиЗ» Н.Л. Дьяконов в связи с годовщиной этой даты в 2019 г. выпустил обращение к казакам России и зарубежья, в котором призвал их «в святой день скорбной памяти, забыть все разногласия и распри и собраться в Храмах вместе. Не делаясь на “своих” и “не своих”, “реестровых” и “общественников»²⁴. Но также эти сообщества (или группа из более солидарных друг к другу сообществ) могут проводить коммеморации одной даты отдельно, при этом наделяя ее своим смыслом и выражая к ней свое отношение. Так, например, разные казачьи сообщества Москвы проводят панихиды, приуроченные к дате, посвященной общеказачьей культурной травме рассказывания – Дню начала политики рассказывания (24 января), в разных храмах, казачий же националист В. Сахаров в преддверии столетия этой даты выложил на свой ютуб-канал видеообращение, в котором призвал этнических казаков проводить коммеморации в этот день отдельно от остальных: «Не проводите с ними совместные мероприятия, поминальные службы. Старайтесь отсекайте их от себя. А где не получается, собирайтесь своим гуртом. Свое мероприятие проводите, свое поминовение. Потому что эта память – это наше горе, в первую очередь – наше, не этих потомков чекистов, не этого ряженного козлячества, а казаков из казачьего народа, кто по национальности казак, кто не забыл, кто он»²⁵. Некоторые же сообщества не разделяют эту коммеморацию. Так, в 2017 г., в мою бытность студентом-казакон головного вуза МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), вуз не участвовал в коммеморации этой даты, мое же участие в ней было встречено представителем вуза неодобрительно. Таким образом, от системы общей культурной памяти возрождающегося казачества, при соответствующих действиях его акторов, могут оставаться общие места памяти, наделяемые разными сообществами для себя своей мифомоторикой или превращаемые некоторыми из них для себя в «места забвения».

Но представление о структуре современного казачества будет неполным без указания на существование в ней казаков, представления которых о казачьем обществе подобны представлениям социального типа «заточник», выделенного Б.А. Романовым в структуре древнерусского общества²⁶. Они, побывав в различных казачьих сообществах или типах сообществ (например, реестровых, общественных, этнических, экономических, фольклорных и др.), разочаровываются в них, видя в каждом свои недостатки и несоответствия, но выйдя из них, продолжают поддерживать с ними и/или их представителями слабые социальные связи, нередко держащиеся уже на личных привязанностях. Автор этих строк сам имел отношение к этому типу и наблюдал накопление его представителей в движении за возрождение казачества, разочаровавшихся в его конкретных сообществах, но сохраняющих приверженность его идеям. Имеющиеся у таких «заточников» коллективные представления эклектичны и имеют потенциал к рефлексивности и праг-

²⁴ Дьяконов Н.Л. Обращение Атамана Николая Дьяконова к казакам России и Зарубежья [Электронный ресурс] // СКВРиЗ: официальный сайт. URL: <https://скврз.рф/обращение-атамана-николая-дьяконова/3064> (дата обращения 11.04.2021).

²⁵ Сахаров В. Столетие геноцида и ублюдки [Электронный ресурс]. 22.01.2019 // YouTube: Василий Сахаров. URL: <https://youtu.be/RrPemsSkG-8> (дата обращения 06.10.2020).

²⁶ См. подробнее о данном типе: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2013. 224 с.

матичности. Наличие этих «заточников» способствует интеграции коллективной памяти казачества и может служить развитию в ней данных атрибутов. Так, например, мой знакомый «казак-заточник», оказавшись приглашенным на панихиды по случаю столетия рассказывания несколькими казачьими сообществами, существующими в Москве, руководствовался в выборе меж ними своей занятостью на работе и наличием интересных ему личностей в числе собравшихся.

Теоретико-методологической основой для анализа обстоятельства выступают концепции заточничества (Б.А. Ромнов), социального конструирования реальности (П. Бергер и Т. Лукман) и форм памяти (А. Ассман), а также подходы дисциплин, изучающих феномены – носители этих форм (индивидуум, сообщество, полития, культура). Изучения требуют вопросы: сравнения форм памяти возрождения казачества и анализа их взаимодействия, отношения тенденции к индивидуализации в постсоветских обществах и появления казаков-заточников (гипотеза: тенденция предоставила возможность для их появления, без нее могущие стать ими участники возрождения, будучи склонными к коллективности, оставались бы в каком-либо сообществе по возрождению казачества и после разочарования в нем или прекращали бы свое участие в возрождении, перейдя в не участвующие в нем сообщества).

Травма и ностальгия

Эти обстоятельства широко распространены в современной памяти ввиду наличия в ней воспоминаний о колониализме, реконструкциях хронотопов, миграциях и трагедиях XX в. А.С. Чикишева рассматривает ностальгию как «механизм преодоления травмы, восстановления целостности исторического континуума» в сознании ностальгирующих²⁷. Но входит ли в зону распространения травмы и ностальгии память возрождающегося казачества, и если да, то имеют ли они в последней описанную Чикишевой связь? Военизированный образ жизни на границе с чужим/врагом, активное участие в войнах и дуализм в отношениях с государством всегда предоставляли коллективной памяти казаков потенциал к проявлению травматичных воспоминаний и ностальгии по утраченному вследствие нанесших эти травмы трагедий. Верхний же пласт культурной памяти возрождающегося казачества содержит травмы XX в., в котором насилие вышло на новый, тотальный уровень. Казакам пришлось встретиться с ним, испытав политику рассказывания и приняв участие в двух тотальных мировых войнах и Великой российской революции. Ностальгия присутствует в травмированной культурной памяти казаков, ушедших в эмиграцию во время Исхода (1920), и их потомков, поэтому изучение ностальгии необходимо для целостного понимания проблемы казачьей эмиграции. Ее проявления можно найти в их эгодокументах и художественной литературе, например, этом отрывке «Не разлюблю я, вспоминая / Далекую, родную степь» (Н.Н. Туроверов)²⁸. Часть

²⁷ Чикишева А.С. Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. № 3. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/152.html&j_id=11 (дата обращения 29.11.2020).

²⁸ Цит. по: Ленивов А.К. Галерея казачьих писателей: историческое исследование: В 2 ч. Ч. 1. Нью-Йорк: Казачье-Американский Народный Союз, 1968. С. 202.

не эмигрировавших казаков тоже потеряла связь с родимым краем, будучи насильно выселенной в другие регионы, также их и их потомков «сдвинул с мест» процесс переезда в города. Но и у живущих ныне на исторических территориях своих войск участников казачьего возрождения ностальгия проявляется в тоске по дореволюционной жизни их предков-казаков, иногда приводящей и к ее идеализации. Так, сочиненная и исполняемая артистом И. Растеряевым песня «Ермак» содержит нарратив об их жизни в период покорения Сибири от лица лирического героя, находящегося на исторической территории своих предков-казаков, и оканчивается четверостишием, выражающим ностальгическое отношение лирического героя к их жизни: «Вот бы на чуть-чуть в прошлые века... Вот бы впереди батьку Ермака»²⁹.

Рассмотрим травму. Рвачева определяет значимой ее роль в коллективной памяти возрождающегося казачества, показывая на примерах, что «в начале процесса возрождения казачества... воспоминания о трагических событиях в казачьей истории стали своеобразным фактором развития казачьего возрождения, а также восстановления казачьей идентичности», предполагая, что эти «трагические события XX в., формируя особое видение “общей истории” казачьего сообщества, способствовали как консолидации казаков в начале возрожденческого процесса, так и конструированию их социальной и этнической идентичности»³⁰, и констатируя, что травматичности памяти казачьего возрождения послужили обусловленные современной ему политикой гласности снятие запретов на нахождение в информационном пространстве и/или идеологизация некоторых казаков, явившихся трагическими историческими личностями, например: «исторический нарратив социальной памяти потомков казаков в начале 1990-х, т. е. в период наибольшей активности возрожденческого процесса, формировался вокруг трагических фигур казачьей истории, которые по той или иной причине требовали оправдания, изменения ракурса восприятия. Поэтому... нередко говорилось об “увековечивании памяти” таких представителей донского казачества, как Болотников, Разин, Пугачев, Думенко, Миронов»³¹. В контексте данного обстоятельства изучение культурной памяти возрождающегося казачества затронуто также в ряде работ³².

При этом, по нашему мнению, потенциал для изучения обстоятельства также представляют некоторые не рассмотренные в них вопросы – вопросы установления соотношения и связей: принятия современными казаками ролей героев/мучеников и жертв травмы³³ и ролей в этом современной тенденции к виктимизации прошлого, вероучения исповедуемого многими казаками православия и РПЦ как актора политики памяти; культурных памяти и травм казаков с ностальгией по хронотопу, существовавшему до вызвавших эти травмы событий, и роли в его утрате ими эмиграции и депортации и др. факторов рассказывания. С. Бойм³⁴ была отмечена ностальгия между коллективной (следовательно, в том числе культурной) и индивидуальной памятью, современная тенденция усиления интереса людей к последней (в том числе к истории рода). Теоретико-

²⁹ Ермак [Электронный ресурс] // Официальный сайт Игоря Растеряева. URL: <https://igorrasteryaev.ru/texts/13> (дата обращения 19.01.2022). Произведение цитируется в казачьих сообществах, см., например: Ноня празднует свой 41-й день рождения Донской казак Игорь Растеряев [Электронный ресурс]. 10.08.2021 // ВКонтакте: Донской телеграф. URL: https://vk.com/donlandtelegraph?from=quick_search&w=wall-61905980_214108 (дата обращения 19.01.2022).

³⁰ Рвачева О.В. Трагические события XX века и коллективная память казачества: постановка проблемы... С. 159–160, 162.

³¹ Рвачева О.В. Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов... С. 321.

³² См., напр.: Рвачева О.В. Память как фактор развития казачьего возрождения на Юге России...; Она же. Гражданская война в исторической памяти потомков казаков...; Она же. Возродить память о казаках: политика памяти и мемориативные практики казачьего возрождения на Юге России...; Пешков И.О. Указ. соч.; Венков А.В. Указ. соч.

³³ См. подробнее о концепциях: Ассман А. Указ. соч. С. 74–84.

³⁴ См.: Бойм С. Будущее ностальгии / пер. с англ. А. Стругач. М.: НЛО, 2019. С. 127.

методологической основой для анализа первого соотношения могут послужить работы С. Бойм, выделяющей реставрирующий вид ностальгии, характеризующий национальные возрождения, и А.С. Чикишевой, проводящей вышеприведенную связь ностальгии и травмы и рассматривающей ностальгию как контрапрезентную (следовательно, могущую перейти в революционную – атрибутирующую возрождения, по Я. Ассману) мифомоторику³⁵.

Специфика мемориального аспекта постмодерной культуры

Данное обстоятельство обеспечивает установку современной эпохе постмодерна на несистемное и несерьезное отрывочное одновременное проигрывание различных явлений из всех известных прошлых эпох. Так, например, этносоциологический опрос, проведенный М.А. Рыбловой и О.В. Рвачевой в 2007 г. в казачьих поселениях Серафимовичского р-на Волгоградской обл. на выборке в 200 опрошиваемых, показал, что «в групповой самоидентификации донских казаков в той или иной мере нашли отражение образы и формы идентичности всех предшествующих периодов развития группы»³⁶. Такое одновременное возрождение явлений, свойственных разным этапам истории общества казаков, входит в противоречие с современным стремлением этого общества к традиционализму, предполагающему простые и конечные в своей целостности непротиворечивые представления об окружающем мире, нормах поведения в нем и задающих их жизненных ценностях и целях, возможные только при одновременном существовании явлений, принадлежащих одному определенному этапу истории общества. Так в противоречие входят одновременно возрождаемые, хотя имевшие место в разные века представления о вере и церкви, гендерных ролях и отношениях, отношении к власти и воле (сословности и этничности), costume, видах деятельности, образе жизни, и т. п. Этот «салат» заправляется связующим его и придающим ему оттенок «соусом» потребностей, проблем и др. явлений (в том числе с наследием советской эпохи и ее мифологем о казачестве и фольклоре), с которыми сталкивается современное казачество, обреченное на существование в имеющих их современном обществе и культуре и отчасти в виде этих обществ и культуры. Так, например, в казачьем сообществе встает вопрос: должна ли современная казачка носить брюки («ведь носили в стародавние времена»), или юбку («ведь носили в недавнем прошлом, о котором наши бабушки еще хранят не только культурную, но и коммуникативную память»), или все-таки брюки («ведь носят современные россиянки»)?

Теоретико-методологической основой для анализа обстоятельства выступают концепции постмодерна, несоответствие которому стремления к традиционализму можно рассмотреть как проявление процесса перехода к постпостмодерну. В аспекте политики памяти порождаемое этим несоответствием расхож-

³⁵ См.: Там же. С. 103–110; Чикишева А.С. Указ. соч.

³⁶ Рвачева О.В., Рыблова М.А. Способы и образы самоидентификации донских казаков [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1 (15). С. 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-i-obrazy-samoidentifikatsii-donskih-kazakov> (дата обращения 30.11.2020).

дение мнений воспомиающих можно рассмотреть посредством концепций режима памяти³⁷. Так, вышеописанный спор о выборе периода истории казачества в качестве образца для его возрождения можно рассмотреть посредством концепции Э. Лангенбахера, согласно которой «столкновения памятей начинаются с борьбы за утверждение значимости конкретного периода и продолжаются дебатами о его интерпретации»³⁸. Изучения требуют вопросы: рассмотрения режима памяти, определения культуры и прагматики их мнемонических акторов, сравнения казаков с другими общностями, возрождение которых происходит в культурах постмодерного, постпостмодерного и переходного меж ними типов.

Специфика поддержания памяти в постаграрном обществе

Это обстоятельство вытекает из выделенных Э. Хобсбаумом особенностей названных им «изобретенными» традиций индустриальных и постиндустриальных обществ. По нашему мнению, указанные Хобсбаумом особенности традиций этих обществ имеются и у др. имеющих функцию поддержания памяти элементов их культурной памяти (мы попытаемся аргументировать это в конце описания каждой из них). Первая состоит в том, что эти традиции занимают меньшую часть жизни данных обществ и в меньшей степени определяют их жизнь, чем это делают экономические, технологические, государственно-бюрократические, политические и другие силы, не опирающиеся на традиции, и чем это происходит в иных обществах³⁹. Современные возрождению казачества эпоха постмодерна (сохраняющегося и в постпостмодерне) и «мемориальный бум» придают традициям, обращаясь к памяти о прошлом, большее значение в обществе, чем описанное Хобсбаумом. Но в силу того что, по его же замечанию, в этом обществе прошлое «становилось все менее подходящим образцом для многих форм человеческого поведения», эти традиции проявляются зачастую лишь в публичной, медийной и развлекательной культурах общества, а в культуре его повседневности играют очень малую роль⁴⁰. П. Нора, вводя ограничения применения своей концепции мест памяти, дает похожую характеристику значения и сферы существования истории (в значении культурной памяти о прошлом) в современной Франции, показывая, что она, в отличие от названной им истинной памяти примитивных обществ, не организует все сферы жизни общества и не осознается им в качестве актуальной составляющей реальности, а существует лишь в местах памяти, при обращении к которым общество сохраняет дистанцированность от воспоминаемого⁴¹. Следует уточнить, что, как отмечает Я. Ассман, культурная память и «есть орган не-повседневного воспоминания. Ее главное отличие от коммуникативной памяти состоит в ее оформленности и ритуальности ситуаций, в которых она проявляется»⁴².

³⁷ См. обзор концепций: *Малинова О.Ю.* Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации [Электронный ресурс] // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы... С. 26–39.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 35.

³⁹ См.: *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций [Электронный ресурс] / Пер. с англ. С. Парина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения 28.03.2021).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: *Нора П.* Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–19, 26–28.

⁴² *Ассман Я.* Указ. соч. С. 61–62.

Следовательно, речь идет о степени влияния культурной памяти на повседневность, а не присутствия этой памяти в ней. Хотя и о присутствии тоже, если понимать под ним инкорпорированность сакральных практик и представлений в профанное и их перемеженность с ним. Так, например, Г.П. Гребенников, находившийся на момент интервьюирования в должности товарища атамана МОКО ВКО «ЦКВ», констатировал: «...некоторые казаки – они с девяти до шести казаки, а потом говорят: “Ты знаешь, сколько времени? Уже восемь, а я вечером спешу домой. Все, у меня рабочий день закончился”. То есть он уже отработал казаком. А кто-то по роду (с точки зрения науки следует понимать, как «по этничности». – прим. Н. А.) казак. Он как родился казаком, так и проводят его в лампадах. И тогда уже эти вопросы как бы отпадают. А человек, естественно, должен кормить свою семью, должен где-то работать... все где-то работают. Вот, в выходные дни встречаемся»⁴³. Его слова показывают отмеченное Хобсбаумом положение прошлого, в данном случае в российской национальной культуре и обществе, проявление этничности у казаков. Вторая особенность этих традиций состоит в расплывчатости прививаемого ими⁴⁴. Атрибуцию этой особенности другим элементам культурной памяти можно обосновать вышеописанной опосредованностью в ней воспоминаний культуры: по мысли Ю. Хабермаса, в культуре позднекапиталистических обществ повседневные знания слабоартикулированы, а картина мира фрагментарна⁴⁵. Так, представления о воспоминаемом посредством традиций нередко бывают непроясненными ими и/или дискуссионными (такая дискуссия может вестись как меж индивидами, так и меж включающими их сообществами и организациями), например, таковыми для них являются понятия «казаки», «казачество» и относящиеся к ним: «воля», «служба» и др., в том числе и само понятие «традиции».

Теоретико-методологической основой для анализа обстоятельства выступают описанные в разделе концепции. При их эмпирическом применении могут оказаться полезными концепция этносимволизма Э. Смита и другие элементы аппарата культурной антропологии, фольклористики, nationalism studies и новой политической истории. Хобсбаум призывал к междисциплинарному исследованию описанного им феномена⁴⁶. Изучения требуют вопросы: роли в реконструкции памяти возрождающегося казачества, занимаемой вышеописанными особенностями существования памяти в постаграрном обществе; осмысления участниками возрождения проблемы идентичности своей памяти (как системы) с памятью периода до возрождения; известного изоморфизма этих особенностей особенностям современного казачества, не могущей быть объясненной представлением его как сообщества памяти (П. Нора), поскольку память, занимая значимое место в его деятельности, идентичности и телеологии, является для них не единственной детерминантой, сосуществуя с другими сферами его жизни.

⁴³ Казаки 21 века. 1 серия [Электронный ресурс] / автор проекта В. Дятель, директор А. Чистобаев; НТО «Казаки 21 век». М., 2015 // YouTube: kozaks21veka. URL: <https://youtu.be/GmthsYQxwKCI> (дата обращения 13.03.2021).

⁴⁴ См.: Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 57–58.

⁴⁵ См.: Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 2. С. 135.

⁴⁶ См.: Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 61.

«Мемориальный бум»

Возрождение казачества как обращение к культурной памяти является органичным элементом в структуре этого «бума», вместе с тем «соседство» с другими элементами этой структуры имеет потенциал для его изменения и/или использования ими и ассимиляции в них, в том числе заимствования деструктивных идей и практик, а также вспышек «войн памяти» с другими активизировавшимися общностями и организациями, имеющими «свою правду о прошлом». Помимо вышеописанных травм памяти о трагедиях XX в. значимым на постсоветском пространстве процессом в данном обстоятельстве является современный возрождению казачества переход воспоминаний о ВОВ на уровень культурной памяти⁴⁷, на котором они начинают взаимодействовать с памятью о былом казачестве. Память же об участии казаков в ВОВ является в культурной памяти постсоветского пространства самым хронологически близким общим (но дискуссионным, в том числе ввиду имевших место прецедентов участия казаков во Второй мировой войне на обеих сторонах) местом памяти для современного казачества, остальных его жителей и нарратива о победе в ВОВ, выполняющего, по словам А.И. Миллера и В.С. Бешкинской, «в современной России роль единственного “мифа основания”»⁴⁸. Казаки включены в репрезентацию государством этого нарратива, что проявляется, например, во включении их в историческую часть Парада Победы на Красной площади. Память же о ВОВ включена в память возрождающегося казачества. Так, фигурой воспоминания в ней является Подвиг казаков 4-го эскадрона 37-го Армавирского кавалерийского полка 19 ноября 1941 г. у деревни Федюково, ставшей местом проведения в этот день мемориальных акций казачьими сообществами, лояльными этому мифу основания. Такие места памяти, как Выдача казаков в Лиенце, П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро, являясь продуктивными для включения казаков в этот миф основания как отрицательных героев, оказываются: предметом травли современных и/или не красных казаков силами, враждебно настроенными к ним и/или к связанным с ними силам; местом забвения или осуждения носителями этого мифа основания, в том числе частью казаков. Так, промарксистский публичный историк К.А. Жуков в видеообращении, направленном против признания геноцида казаков большевиками, упомянул участие Краснова во Второй мировой войне на стороне Германии⁴⁹. Очевидно, что этот факт хронологически выходит за рамки раскрываемой им темы, но служит конструированию Жуковым отрицательного образа лидеров белых казаков.

Теоретико-методологической основой для анализа обстоятельства могут послужить концепция валентности памяти (А. Ридинг)⁵⁰, транснациональной памяти⁵¹, подходы компаративной и транснациональной истории, посредством которых можно полнее и объективнее понять рассматриваемую проблему и определить ее функцию по отношению к внешней среде и детерминированность этой средой, специфичность, типичность и заимствованность наблюдаемых в ней феноменов.

⁴⁷ Этот переход происходит на временной дистанции в 40–100 лет от воспоминаемого события (см. подробнее: *Ассман Я.* Указ. соч. С. 50–59), в данном случае он начался в 1985 г.

⁴⁸ *Бешкинская В.С., Миллер А.И.* Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/stradaniya-tyl-vojna> (дата обращения 13.03.2021).

⁴⁹ См.: *Жуков К.А.* Клим Жуков. Казачья фальсификация [Электронный ресурс]. 12.02.2019 // YouTube: Клим Жуков. URL: <https://youtu.be/0zJGk1hArU4> (дата обращения 06.11.2020).

⁵⁰ См.: *Reading A.* Gender and Memory in the Global Age [Электронный ресурс]. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. P. 54–55. URL: <https://link.springer.com/book/10.1057%2F978-1-137-35263-7> (дата обращения 10.04.2021).

⁵¹ См.: *Transnational memory: Circulation, Articulation, Scales / Ed. by Ch. De Cesari, A. Rigney.* Berlin: De Gruyter, 2014. 376 p.

Интегрирующие обстоятельства

Интерес при изучении возрождения российского казачества в контексте культурной памяти представляют также лингвокультурные, фольклористические, медиакультурные и урбанистические обстоятельства возрождения российского казачества и фактор политики памяти в его отношении. Здесь отметим лишь, что данные обстоятельства, вместе с перенесением общей травмы расказачивания и наличием в казачьем сообществе «заточников», приводят к интеграции казачьей культуры и, в ее числе культурной памяти, в новой перспективе⁵². В частности, вне территорий исторического проживания казаков казачьи сообщества обычно состоят из потомков казаков разных войск и лиц, не имеющих казачьего происхождения. Осмысление исторической преемственности такими сообществами (имеющее при непризнании этих сообществ и функцию их самоапологии) не обходится без конструирования с использованием мест памяти, относящихся к разным исторически существовавшим казачьим сообществам. Так, например, на сайтах казачьих обществ обычно имеется раздел(ы), посвященный культуре и исторической памяти данного общества, на официальном сайте МОКО ВКО «ЦКВ» такой раздел имеет название «История и Традиции» и состоит из трех подразделов («Герои казачества», «Традиционные особенности», и подраздел о советском расказачивании «Трагедия России и Казачества»)⁵³. В этих подразделах публикуются статьи, темы которых затрагивают историю и культуру разных исторически существовавших казачьих сообществ. Опубликованная в этом разделе статья с отражающим проблему осмысления исторической преемственности и апологии реестрового казачьего общества Москвы названием «Казачья в Москве. Зачем и почему?» состоит из двух смысловых частей. Первая включает описания деятельности МОКО, биографию А. Шустрова, являвшегося на момент публикации статьи его атаманом, «изобретенную» традицию празднования Дня российского казачества (1 сентября) в Донском монастыре Москвы, перемежающиеся с обобщенными описаниями роли казачества в истории страны (без указания конкретных примеров). Эти описания соединяются показывающими единство и преемственность фразами, например, «Если казаки – они и в Африке казаки. И в Москве тоже. Что же для них главное? А ничего за много лет не изменилось»; вторая часть содержит ряд конкретных примеров, относящихся к разным исторически существовавшим казачьим обществам⁵⁴. Также интеграция культурных памятней локальных казачьих сообществ способствует интеграция несущего их исторические нарративы искусства. Так, значительная часть популярных (известных казакам всей России) и локальных современных казачьих ансамблей и хоров (особенно – базирующихся вне территорий исторического проживания казаков) не посвящают себя аутентичной реконструкции или стилизации локальной песенной традиции. В их репертуаре сочетаются песни разных казачьих войск и современные песни о казаках, в том числе содержащие исторические нарративы. Следует отметить, что и в

⁵² Это предположение в отношении травмы высказано О.В. Рвачевой (протитировано нами выше).

⁵³ См.: История и Традиции [Электронный ресурс] // МОКО ВКО «ЦКВ»: официальный сайт. URL: <http://мокоцкв.рф/istoriya-i-tradicii> (дата обращения 26.04.2021).

⁵⁴ Казачья в Москве. Зачем и почему? [Электронный ресурс]. 15.11.2017 // Там же. URL: <http://мокоцкв.рф/199-kazaki-v-moskve-zachem-i-pochemu.html> (дата обращения 26.04.2021).

дореволюционных песенных культурах казачьих войск имело место заимствование песен, но в отличие от современной арт-индустрии, в традиционной песенной культуре при таких заимствованиях как форма исполнения, так и сюжет адаптировались к локальной традиции⁵⁵.

Теоретико-методологической основой для анализа этих обстоятельств выступают концепции фольклоризма, медиакультуры, массовой культуры, подходы изучающих их дисциплин, а также глобальная история (С. Конрад), глобальная и глобитальная (А. Ридинг) память и другие концепции интеграции. Изучения требуют вопросы: отбора воспоминаний из памяти локальных сообществ в общеказачью и их реконструкции в процессе интеграции; сравнения интеграционных процессов у казаков и других возрождающихся общностей.

Заключение

Данный перечень обстоятельств не претендует на полноту охвата действительности. Границы меж обстоятельствами во многом обусловлены методологией исследования. Так, в частности, взаимосвязи меж некоторыми из обстоятельств могут быть холически представлены как отдельные обстоятельства и послужить контекстами, в которых можно рассмотреть возрождение казачества, или объектами связанных с ним исследований. При исследовании приведенных обстоятельств также необходимо учитывать эти взаимосвязи. Дальнейшее изучение этих обстоятельств ставит вопросы: определения их специфики в представленных в иллюстрациях случаях; степени влияния представленных в иллюстрациях вариантов на возрождение казачества и их распространенности в нем; поиска других вариантов специфики этих обстоятельств в казачьем возрождении и их соотношения по распространенности с представленными в иллюстрациях вариантами. Для построения и проверки общих теорий, затрагивающих указанную в названии статьи исследовательскую проблему, необходимо проведение исследований ее конкретных случаев. Благодаря деятельности занимающихся ими ученых пополняется корпус применимых к этой проблеме теорий и база получаемых социологическими и этнографическими методами данных, в которой перманентно фиксируется процесс возрождения. Эта деятельность вносит ценный вклад в изучение данной проблемы, но множество этих случаев и незавершенность на данный момент процесса возрождения еще способны предоставить своему будущему исследователю материал для введения в научный оборот и плодотворных исследований.

Исходя из результатов нашего анализа, зафиксированных в данной статье, мы пришли к следующим выводам. Возрождение российского казачества является механизмом реконструкции его культурной памяти, пересобирающим, адаптирующим и реактуализирующим ее в соответствии с современным состоянием казачества и условиями его существования. В процессе этого возрождения

⁵⁵ Хочу поблагодарить фольклориста, директора АСКП «Казачья справа», аспиранта-культуролога ВолГМУ П. Быкова, сообщившего мне в личной переписке, что он встречал массу подтверждений описанному в этом предложении.

наблюдается тенденция к интеграции культурных памятей локальных казачьих сообществ, обусловленная: отмеченным в этой связи О.В. Рвачевой наличием в памяти всех казачьих общностей общей актуальной травмы советского расказачивания, придающей культурной памяти казачества новую общую историческую перспективу; интеграцией их культур.

Также следует дать ответ на следующее замечание, могущее возникнуть к представленной в этой статье модели: в ней мы определили современное казачество находящимся в стадии возрождения, а эпоху – эпохой постмодерна, однако в последние годы как в казачьей среде имеют место мнения, что процесс возрождения уже завершён, так и в гуманитарной среде появляются различные теории, констатирующие и осмысляющие переход к новой эпохе и дающие ей соответствующие названия (альтермодернизм (Н. Буррио), метамодернизм (Т. Вермюлен и Р. ван дер Аккер) и др.)⁵⁶. Но этногенез невозможно отделить от последующей истории народа, являющейся его постоянным изменением, то есть пересозданием в новом виде, на что указывает этнолог С.В. Чешко⁵⁷. Возрождение, являющееся таким зарождением новой этничности (современного казачества), невозможно отделить от ее последующей истории. Описанная же нами множественность общностей, представительских организаций и акторов современного казачества, имеющих собственные концепции и стратегии в отношении казачества и его возрождения, представляется в данном аспекте наличием нескольких разнесенных и параллельных в пространстве и времени процессов этно- и социогенеза, вызывающих и соответствующие процессы культурогенеза. Так, например, Дьяконов, прощаясь со слушателями по завершении интервью, произнес: «Мы пережили многое, но, как феникс, возродились. Все уже, закончилась эпоха возрождения...»⁵⁸. В то время как среди казачьих националистов имеют место представления о еще не прекратившемся расказачивании, которые можно считать небезосновательными в части продолжения культурной ассимиляции казаков (одновременной заданному возрождением процессу их реинкультурации). Например, казачье-националистически настроенный доктор исторических наук Н.Н. Лысенко говорит: «Советский Союз уничтожил казаков... а Российское государство делает все то же самое, но косвенными методами. Это делает, разумеется, не РФ в лице Кремля... казачья живая культура, которая могла бы... снова встать твердо на ноги, она не развивается»⁵⁹. Переход же к следующей за постмодерном эпохе, по мнению ее теоретиков, не предполагает ее отрицания (постмодерн сохраняется, находя свое место в следующей эпохе)⁶⁰. Нам же он представляется еще не завершённым до конца в нашей стране, а его концепция еще не устоявшейся и дискуссионной. Поэтому мы считаем нашу модель не лишенной адекватности современному состоянию этих процессов, а анализ данных оговорок дискуссионной, но плодотворной темой для последующих исследований, могущих дополнить понимание проблемы, затронутой в нашем исследовании.

⁵⁶ См.: о альтермодернизме, например: Павлов А.В., Ерохина Ю.В. Образы современности в XXI веке: альтермодернизм [Электронный ресурс] // Философские науки. 2019. Т. 62, № 2. С. 7–25. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/2465> (дата обращения 10.04.2021); о метамодернизме работу, фиксирующую результаты исследовательского проекта авторов его концепции: Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс и Т. Вермюлена; пер. с англ. В.М. Липки; вступит. ст. А.В. Павлова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 342 с.

⁵⁷ См.: Чешко С.В. Этнология и социальная антропология: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Академия, 2010. С. 12–13.

⁵⁸ Волков И. Интервью с Верховным Атаманом СКВРЗ Дьяконовым Николаем Леонидовичем, 3 часть [Электронный ресурс]. 31.12.2019 // ВКонтакте: Казаки. Российское Казачество. URL: https://vk.com/podcast-35933299_456239021 (дата обращения 11.04.2021).

⁵⁹ Лысенко Н.Н. Политика косвенного геноцида казаков продолжается... [Электронный ресурс]. 25.10.2020 // YouTube: Казаки: прошлое, настоящее, будущее. URL: <https://youtu.be/F9h1EB4SD9o> (дата обращения 11.04.2021).

⁶⁰ См., например: Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма... С. 45–46.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПОРТФЕЛЬ

УДК 016
ББК 78.55

В.Ю. Бабулевич

Использование научной библиографии для уточнения фокуса и метода междисциплинарного исследования

В работе представлены результаты использования электронной библиографии научных публикаций по переводу и переводоведению от издательства John Benjamins Publishing Company как инструмента по уточнению тематики и метода исследовательской работы. Обращение к данной библиографии производится в рамках исследования в области аудиовизуального перевода, в связи с чем в статье поднимается актуальная проблема поиска научных работ для составления теоретической и методологической базы междисциплинарного научного проекта. Подробный анализ тематических блоков, представленных в библиографии, а также обзор найденных там исследовательских работ позволили автору уточнить как фокус, так и метод исследования в условиях, когда тема научного проекта выходит за рамки одной дисциплины. В статье суммируются преимущества использования научной библиографии в научно-исследовательской деятельности студента.

Ключевые слова: научная библиография, междисциплинарное исследование, метод исследования, аудиовизуальный перевод, переводчик, антропология перевода, социология перевода, Translation Studies Bibliography

Исследования, проводимые студентами, традиционно не выходят за рамки одной дисциплинарной области. Это связано как с вопросами академической преемственности, так как обучающиеся участвуют в проектах своих научных руководителей и выпускающих подразделений – кафедр и институтов, так и с чисто практической задачей подтверждения квалификации при выпуске. Помимо получения научного результата студенту необходимо

убедить комиссию в том, что исследовательский проект, представленный к защите, соответствует определенной специальности, а его автор заслуживает искомой степени бакалавра, магистра или кандидата в избранной области. В этой ситуации выбор междисциплинарной темы, несомненно, повышающий актуальность и новизну исследования, несет в себе определенные риски, главным из которых является опасность «изобретения методологического велосипеда» и, как следствие, поверхностного взаимодействия с той частью работы, которая напрямую не касается заявленного профиля выпускника.

Тема научного проекта, к которому необходимо было подобрать библиографическую основу и сформировать методологический инструментарий, была изначально сформулирована довольно широко: «Аудиовизуальный перевод в России: переводчики». Сразу стояла цель сфокусироваться на том, кто, как и в каких условиях создает аудиовизуальный перевод в России, а не на собственно текстах, поэтому было понятно, что при написании работы на «переводческую» тему придется обращаться к инструментам социологических и антропологических наук.

Исследования в области аудиовизуального перевода являются междисциплинарными по определению, так как охватывают как минимум лингвистику в части переводоведения и проблем работы с текстом, с одной стороны, и аспекты теории медиа – с другой¹. Если же исследователя, как в нашем случае, интересует также социологическая сторона вопроса – отношение переводчиков к профессии, их статус, практики их работы, т. е. процесс и участники перевода, а не его результат, то задача поиска адекватных источников и сборки методологического аппарата кратно усложняется. Также следует учитывать и то, что как отдельный вид переводческой деятельности аудиовизуальный перевод сформировался относительно недавно², что создает дополнительные трудности в исследовании. Справиться с ними в довольно значительной степени помог такой инструмент, как библиография – перечень книг или статей по какой-либо теме или вопросу³.

Существует множество видов библиографий, классифицированных по тому или иному признаку. Говоря о системах документальных коммуникаций, обеспечивающих движение первичных документов, выделяют 6 видов библиографий⁴, среди которых можно назвать библиотечную, издательскую, научно-информационную. По отношению к временному аспекту выделяют ретроспективную и перспективную библиографии. Если первая подытоживает развитие документных потоков за определенные периоды времени и обеспечивает ретроспективный поиск в накопленных документных массивах в ходе библиографического обслуживания и самообслуживания, то вторая хранит информацию о еще не опубликованных работах. Кроме того, существует классификация библиографий и по отношению к содержательному аспекту, подразумевающая разделение всех библиографий на две категории – универсальные (опирающиеся на формальные признаки работ, но не на их содержание) и отраслевые (библиографии, для кото-

¹ Chiaro D. et al. *Between Text and Image: Updating Research in Screen Translation*. John Benjamins Publishing, 2008. 292 p.

² Костров К.Е. Аудиовизуальный перевод: проблемы качества [Электронный ресурс] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24373422> (дата обращения 11.02.2021).

³ Малый академический словарь / Сост. А.П. Евгеньева. М.: Ин-т русского языка Академии наук СССР, 1957–1984.

⁴ Коршунов О.П. Библиографоведение: Учеб. / О.П. Коршунов, Н.К. Леликова, Т.Ф. Лиховид. СПб.: Профессия, 2014. С. 127–143.

рых приоритетным является именно содержание). Согласно этим классификациям, библиография, к которой мы обратились, может быть описана как «научно-информационная», «ретроспективная» и «отраслевая», поскольку содержит перечень уже опубликованных научных статей по конкретной теме (перевод и переводоведение). Библиографии также можно классифицировать по признаку общественного назначения. В данную классификацию входят: общая библиография, ориентированная на широкий круг потребителей и не нацеленная на поиск документов на определенную тему; и специальная библиография, имеющая конкретное целевое и читательское назначение, направленная на узкий круг читателей⁵.

Библиография, к которой мы обратились в нашем исследовании, однозначно будет нами обозначена как «специальная». Академическим издательством John Benjamins Publishing Company⁶ за последние годы была произведена систематизация всех работ, посвященных переводоведению. Результатом этой систематизации стала обширная база данных авторитетных научных источников, Translation Studies Bibliography (TSB), разбитая на пересекающиеся дисциплинарные рубрики. Так как в настоящее время поле переводческих исследований в значительной степени выходит за рамки изучения аспектов перевода как такового, данная библиография особенно примечательна и полезна тем, что классифицирует все работы по переводу и переводоведению на основе не только лингвистического, но и 11 других подходов. В их число входят: социологический подход; философский подход; этнографический подход; психологический подход; культурологический подход; экономический подход; исторический подход; филологический подход; политологический подход; антропологический подход; литературный подход⁷. TSB насчитывает свыше 34,5 тысяч аннотированных записей и доступна по подписке, однако исследователи могут по запросу получить 30-дневный пробный бесплатный доступ к библиографии.

В рубрикаторе TSB каждый из перечисленных выше подходов содержит пометку с числом источников, и уже на этой основе можно составить представление о степени проработанности той или иной темы в переводоведении. Соответственно эта информация может помочь и с обоснованием новизны исследования. Так, к наиболее проработанным в переводоведении подходам относятся культурологический (2211 источников), исторический (2085 источников) и литературоведческий (2296 источников) подходы. К последнему отнесем и «филологический» подход, для которого указано 36 источников, но тут, скорее, речь идет о сбое в классификации. Собственно междисциплинарных исследований в переводе как раз оказывается довольно мало: так, к экономическому подходу отнесено 47 источников, к антропологическому – 90, к этнографическому – 151. Библиография насчитывает 669 источников, посвященных социологии перевода.

Социологический подход в переводе подразумевает отношение переводчика к своей деятельности и уровень его компетентности⁸, а также аспекты перевода социального дискурса. Согласно

⁵ Там же.

⁶ John Benjamins Publishing Company [Электронный ресурс] // Translation Studies Bibliography. URL: <https://benjamins.com/online/etsb> (дата обращения 11.02.2021).

⁷ John Benjamins Publishing Company [Электронный ресурс] // Translation Studies Thesaurus. URL: https://benjamins.com/online/etsb/thesaurus?f_name_upper=APPROACHES (дата обращения 11.02.2021).

⁸ Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Общая теория перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2018. № 1. С. 17–40.

TSB, в разделе «социологический подход» чаще всего можно обнаружить статьи, посвященные проблеме переводов текстов на тему гендерного равенства и феминизма⁹, и гораздо меньше статей по вопросам статуса переводчика в современном мире¹⁰. Антропологический подход, изучающий взаимодействие языка и культуры¹¹, преимущественно реализован в статьях именно посредством отражения аспектов той или иной культуры в переводе и рассмотрения профессии переводчика как антрополога и этнографа. Соответственно последний из названных подходов – этнографический – отражает возможность для переводчика воспользоваться этнографическими данными с целью успешного воспроизведения или объяснения в переводе особенностей культуры, отраженных в значениях слов оригинала¹². Среди источников по этнографическому подходу, в свою очередь, чаще всего фигурируют работы по изучению роли переводчика в той или иной сфере, подготовка переводчиков и особенности подходов к работе в профессии. Любопытно, что довольно часто источник, отнесенный рубрикатором к социологическому или антропологическому подходам, был посвящен не социологии или антропологии перевода как процесса, но, скорее, социальным, культурологическим и иным аспектам переводимых текстов.

Тем не менее с использованием TSB нами был выявлен ряд работ, посвященных изучению самой группы специалистов, занимающихся переводом. Следует упомянуть, что речь идет прежде всего о письменных и устных переводчиках, не обязательно задействованных в сфере аудиовизуального перевода. Как мы убедились, таких исследований крайне мало, и они отсутствуют для Российской Федерации*.

Подробный анализ этих работ показал, что изучение профессии переводчика в большинстве случаев проходит через создание онлайн-опросников с последующим анализом полученных ответов респондентов или же в виде организации интервью с представителем данной профессии. В первом случае речь идет о гораздо большем количестве специалистов, что обуславливает необходимость работы со статистическими данными и использованием количественного метода при анализе полученных данных. Во втором случае применяется качественный метод, круг опрашиваемых ограничен (иногда он насчитывает трех респондентов), однако такие работы дают более глубокое представление об особенностях переводческой деятельности, о процессе принятия переводческих решений и отношении переводчиков к работе с материалом.

Одними из наиболее ярких примеров количественных исследований являются работы специалистов из Дании, Ирана, Фин-

* Ограничением использования библиографии в данном случае могло бы быть предположение о том, что любая библиография является неполной, и аудиовизуальный перевод как узкая тема мог бы быть составителями библиографии проигнорирован. Однако поскольку одним из составителей TSB является Ив Гамбье, классик исследований аудиовизуального перевода, мы можем предположить, что работы именно этой тематики не могли быть исключены из подборки.

⁹ Santaemilia J. New Perspectives on Gender and Translation: new voices for transnational dialogues. New York: Routledge. 214 p.

¹⁰ İşpinar A., Duygu, Ömer Ö. The Occupational Status of Translators and Interpreters in Turkey: perceptions of professionals and translation students // Çeviribilim ve Uygulamaları Dergisi. Journal of Translation Studies. 2020. No. 29. P. 61–82.

¹¹ Кушнина Л.В. Теория перевода как междисциплинарная антропология // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 45–53.

¹² Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Учебное пособие. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.

ляндии и Швеции. Большинство из них восходят к классическим публикациям переводоведов Х. Дам и К. Зетсен, неоднократно исследовавших датский рынок перевода. Их труд совместил все три представляющих интерес подхода, так как он был нацелен не только на получение информации о специфике работы переводчиком, но и о самих переводчиках. Так, в исследованиях Х. Дам сбор информации осуществлялся за счет опубликованного в Интернете анонимного онлайн-анкетирования, в котором датские переводчики принимали участие на протяжении двух лет¹³. Группа респондентов включала в себя официально трудоустроенных переводчиков в государственных и частных компаниях, переводчиков в бюро переводов, а также переводчиков-фрилансеров. Все включенные в анкетирование вопросы были закрытыми, что предполагало выбор респондентами варианта ответа из предложенного им списка. В большей части вопросов от респондентов требовалось указать степень своего согласия или несогласия с обозначенным в вопросе утверждением в диапазоне от минимума до максимума в соответствии со шкалой Лайкерта¹⁴, где максимумом считалась оценка «5», а минимумом – оценка «1». В рамках исследуемой темы максимальная оценка расшифровывалась как «В очень высокой степени», а минимальная – как «В очень низкой степени / Никак». Те закрытые вопросы, ответы на которые не были представлены в виде шкалы Лайкерта, относились к демографическим данным респондентов – их полу, возрасту, опыту работы и т. д. Подбор вопросов осуществлялся на основе критериев, определяющих статус переводчика. В частности, вопросы касались уровня заработной платы; образования и квалификации переводчиков; уровня узнаваемости переводчиков как профессионалов в своей области на рынке труда, а также как членов коллектива в кругу сотрудников компании; уровня влияния и масштаба авторитета в области перевода.

По результатам анализа ответов респондентов после проведения анкетирования между ответами респондентов всех трех групп было выявлено больше сходств, чем различий. Все переводчики охарактеризовали свой профессиональный статус оценкой «3», что скорее относится к низкому статусу, нежели к высокому. Такие же низкие оценки были даны в ответах на вопросы по критерию уровня заработной платы переводчиков, где средний результат соответствовал оценке «2». Между этими же оценками варьируется большая часть ответов респондентов по критериям узнаваемости и влияния. Единственным показателем, превысившим предыдущие, стала оценка по критерию образования, в соответствии с которой многие респонденты посчитали себя достаточно квалифицированными специалистами и выбрали оценку «4».

Спустя несколько лет подобное исследование было проведено в Иране¹⁵. Как упоминалось ранее, исследователи полностью ориентировались на наработки датских ученых. Отличием в организации иранского и датского анкетирования стало большее количество участников, составившее в Иране 600 человек, а также количество оценок по шкале Лайкерта – оно было расширено до семи. Следует также отметить, что в опросе не принимали уча-

¹³ Dam H.V., Zethsen K.K. The Status of Professional Business Translators on the Danish Market: A Comparative Study of Company, Agency and Freelance Translators // Meta. Montreal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2011. P. 976–997.

¹⁴ Маруцак Л.И. Обработка данных, измеренных в шкале Лайкерта, с помощью теории нечетких множеств // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине. Томск: Изд-во Национального исследовательского Томского политехнического университета, 2015. С. 880–881.

¹⁵ Hosseini B. K., Karmina A. A Critical Study of Iranian Translators' Job Status [Электронный ресурс] // Iranian Journal of Translation Studies. URL: https://www.researchgate.net/profile/AminKarimnia/publication/266083627_A_Critical_Study_of_Iranian_Translators'_Job_Status/links/54fc21280cf270426d-0fbcf3/A-Critical-Study-of-Iranian-Translators-Job-Status.pdf (дата обращения 14.02.2021).

стие переводчики-фрилансеры. Полученные специалистами ответы от иранских респондентов значительно различались с ответами датских переводчиков. В то время как средняя оценка статуса переводчика в Дании находится между «2» и «3», в Иране статус переводчика чаще всего оценивался респондентами на уровнях «5» и «6», что однозначно выходит за границы среднего и низкого показателей. Кроме того, большинство переводчиков так же высоко оценили свой уровень дохода и узнаваемости, что позволило специалистам обрисовать довольно положительную картину по ситуации с восприятием профессии переводчика в стране в отличие от ситуации в Дании.

В 2021 г. было опубликовано исследование, посвященное проблеме статуса переводчика в Финляндии и Швеции, которое также отражало заданную датскими профессорами тенденцию по составлению онлайн-анкетирования для переводчиков¹⁶. В данных двух странах было опрошено 397 и 359 переводчиков соответственно. Переводчики-фрилансеры снова не были включены в список возможных респондентов. В отличие от исследования в Иране, шкала оценивания в предложенном в Финляндии и Швеции респондентам не отличалась от шкалы в датском анкетировании и так же включала в себя пять позиций. Как и в случае с иранскими респондентами, полученные по итогам завершения анкетирования результаты оказались непредвиденными и не похожими на результаты, полученные ранее в других странах. Было установлено, что в Финляндии более высокую оценку получили сам критерии образования, узнаваемости и авторитета. В Швеции, в свою очередь, выше оказался показатель по критерию влияния и заработной платы. Для нахождения объяснения полученным результатам исследователи обратились к изучению контекста в рамках каждой из стран, благодаря которому их находки стали логичными и утратили свою первоначальную парадоксальность.

Несмотря на то что подобные опросы приводят к неочевидным и интересным результатам, мы увидели, что количественные методики не вполне отвечают задачам того исследовательского проекта, который мы запланировали. Так, нас интересовали не столько вопросы статуса или заработной платы переводчиков, сколько характер и процесс их работы, который мог оказаться строго индивидуальным и не укладывался в рамки стандартных опросников. Изучение работ в рамках социологического и антропологического подходов, авторы которых обращались к качественным методам исследований, представлялось нам более перспективным с точки зрения уточнения собственной методологии.

В случае с качественными методами формой получения информации является не онлайн-опросник, а интервью, а потому очевидно, что задаваемые исследователем вопросы будут гораздо конкретнее и глубже. Соответственно для рассмотрения нескольких работ подобного рода было необходимо найти именно те, что связаны с аудиовизуальным переводом. После включения фильтра по поиску статей по ключевым словам «audiovisual» и «interview» в TSB было найдено всего лишь 13 статей из 1354 возможных. Больше резуль-

¹⁶ Ruukonen M., Svahn E. Comparative research into translator status: Finland and Sweden as a case in point [Электронный ресурс] // Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0907676X.2021.1953546> (дата обращения 14.02.2021).

татов дал поиск по ключевым словам «translation» и «interview» – 178 статей. При анализе этих работ нас прежде всего интересовал дизайн исследования: вопросы, которые задавали респондентам, количество респондентов, соответствие полученных результатов поставленным целям.

В одной из рассматриваемых статей¹⁷ интервью было проведено в рамках анализа перевода американского телесериала «Западное крыло», выполненного хорватским аудиовизуальным переводчиком. В связи с этим задаваемые на интервью вопросы напрямую относились к работе над переводом телесериала и не затрагивали переводческую деятельность респондента в целом. Вопросы касались самых проблемных отрезков текста, с которыми переводчику пришлось работать больше всего; общей оценки уровня сложности перевода данного телесериала с дальнейшим обоснованием поставленной оценки; переводческих решений относительно культурно-специфической лексики; осведомленности о целевой аудитории и получения обратной связи от компании, на которую работает респондент.

В интервью, проведенном в рамках другого исследования¹⁸, был задан ряд более общих, но при этом более разнообразных по своему содержанию вопросов. На них отвечал доцент отделения иностранных языков и культур Нового болгарского университета. Темы, которые были затронуты в ходе интервью, касались добавления новых учебных дисциплин в рамках профессиональной подготовки переводчиков; наиболее значимых для него аспектов работы переводчиком; характера изменений в профессии переводчика в условиях стремительного развития технологий и самых мощных или, напротив, неэффективных технических инструментов для помощи переводчику в работе; профессиональных провалов, наиболее сложных, забавных случаев за историю его карьеры; советов начинающим переводчикам.

Наконец, еще в одной работе¹⁹ единственным респондентом выступила канадский переводовед и по совместительству переводчик художественной литературы. Вопросы для интервью, в определенной степени аналогично первому, были сфокусированы конкретно на осуществляемой респондентом деятельности. Центральными вопросами, заданными профессору, стали вопросы о начале профессионального пути; нынешних проектах; механизмах выбора текста для перевода; необходимости (или ее отсутствии) связываться с авторами текста в случае возникновения трудных для понимания отрывков; использования различных переводческих стратегий для повышения узнаваемости; статусе переводчиков художественной литературы в Канаде.

Анализируя приведенные примеры, а также другие работы из подборки, полученной с помощью TSB, мы пришли к выводу о том, что подобный дизайн исследования – качественное интервью с одним или несколькими респондентами, затрагивающее вопросы взаимодействия переводчика с текстами – будет наиболее точно отвечать целям нашего научного проекта в области аудиовизуального перевода. Учитывая слабую изученность темы, тоже выяв-

¹⁷ Nikolić K. Text of Many Colours: Subtitling The West Wing into Croatian // inTRAlinea Special Issue: A Text of Many Colours – translating The West Wing [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intralinea.org/specials/article/2192> (дата обращения 16.02.2021).

¹⁸ Antonova A. Translating in Canada: An Interview with Literary Translator and Translation Scholar Dr. Luise von Flotow // A Journal of Translation and Cultural Studies. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 104–113.

¹⁹ Naimushin B. Interviews with translators and interpreters // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 584–590.

ленную при анализе библиографии, мы считаем целесообразным включить в интервью и некоторые вопросы из онлайн-опросников Х. Дам. По итогам анализа литературы мы смогли подготовить обширный сценарий для глубинного интервью, содержащий шесть групп вопросов, касающихся работы аудиовизуального переводчика в России – подбора текстов для перевода, характера и хода работ, отношения переводчиков к своей деятельности и т. д. Составление такого сценария было бы сильно затруднено без обращения к такому инструменту, как TSB: действительно, все рассмотренные статьи можно без затруднений найти через более общие поисковые системы типа Google Scholar или репозитории типа JSTOR, однако такой поиск займет гораздо больше времени, часть из которого уйдет на отсеивание источников, не представляющих научной ценности. Обращение к библиографии помогло нам не только сэкономить время, подобрать адекватную базу для исследования, но и способствовало уточнению методологии проекта и его фокуса.

Заключение

В настоящей работе была охарактеризована специфика обращения к научной библиографии для уточнения направленности и методологического инструментария междисциплинарного студенческого исследования. Несмотря на некоторые ограничения такого подхода, связанные с тем, что ни одна библиография не может быть названа 100% полной, можно выделить следующие преимущества такой работы с научной литературой, особенно в ситуации междисциплинарности:

1) источники в научной библиографии не требуют дополнительной проверки на «авторитетность», об этом уже позаботились составители;

2) библиография содержит рубрикатор, позволяющий сконцентрироваться только на работах интересующей нас тематики или, в данном случае, интересующих нас подходов; поиск по «подходам» было бы довольно сложно реализовать в более общих базах данных;

3) обращение к научной библиографии позволяет более фундаментально обосновать научную новизну и актуальность исследования;

4) наконец, анализ работ, найденных с помощью поиска по научной библиографии, дал нам возможность окончательно уточнить фокус (процесс и отношение к переводу vs. текст) и метод (качественное глубинное интервью) исследования таким образом, чтобы они точно отвечали цели запланированного проекта.

Abstracts

Arsen'ev Nikolai S.

The revival of the Russian Cossacks as a mechanism
for the reconstruction of cultural memory

The problem of the revival of the Russian Cossacks is reviewed in the constructivist paradigm in the context of cultural memory on the material of related scientific literature, Internet resources (interviews, speeches and addresses of participants of the revival of the Cossacks, posts on their personal pages and in their communities on social media, articles on the official website of the MOKO VKO “CKV”) and the experience of the author’s participation in the Cossack restoration movement during 2016–2020. The circumstances of the problem are determined by assigning the material to the types. These types are the concepts: the essence of cultural memory (J. Assmann); the relations of cultural memory with other forms of memory (A. Assmann); some of the main components of the specifics of the revival of the Cossacks’s contemporary memory (trauma and nostalgia, the memorial aspect of the postmodern culture, the maintenance of memory in the post-agrarian society, the “memorial boom”, the integration). Through the formulation of questions and the selection of concepts for the study of the circumstances, directions for the study of this problem are proposed. It is revealed that: the revival of the Russian Cossacks is a mechanism of the reconstruction of its cultural memory, reassembling, adapting and reactualizing it in accordance with the current state of the Cossacks and the conditions of its existence; in the process of this revival, there is a trend towards integration of the cultural memories of local Cossack communities, due to: O.V. Rvacheva noted in this connection the presence in the memory of all Cossack communities of a common actual trauma of Soviet decossackization, giving the cultural memory of the Cossacks a new common historical perspective; integration of their cultures. The problem is relevant and important as a phenomenon of the “memorial boom”, which shows the presence of an appeal to the memory of the past in the modern culture.

Keywords: revival of the cossacks; cultural memory; reconstruction; modern cossacks; russia; invention of traditions; modern memory

Babulevich Viktoriya Yu.

Research bibliography as a tool
of clarifying research scope and method: Addressing
the practice of audiovisual translation in Russia

The paper presents the results of using the electronic bibliography of scientific publications on translation and translation studies from *John Benjamins Publishing Company* as a tool to focus the scope and method of a research project. The reference to this bibliography is made within the framework of the research in the field of audiovisual translation. Thus, the paper addresses the topical issue of constructing scientific background and methodological tools in interdisciplinary research. A detailed analysis of the thematic blocks presented in the bibliography, as well as a review of the research papers found there, allowed the author to clarify both the focus and the research method in the conditions when the topic of the research project extends beyond one discipline. The article summarizes the benefits of using an academic bibliography in students' research.

Keywords: research bibliography, interdisciplinary research, research method, audiovisual translation, translator, translation anthropology, sociology of translation, Translation Studies Bibliography

Emtsova Anastasiya V.

The evolution of the interpretation
of the apparition of Our Lady of Guadalupe
in New Spain in the 16th–17th centuries

The article focuses on comparative analysis of the interpretation of the apparition of the Virgin of Guadalupe in the works of New Spanish and Indian authors. This study is based primarily on variety of written documents of Spanish and New Spanish clergy and the testimonies collected by those who, according to their own statement, were indirect witnesses of the apparition of the Virgin of Guadalupe. In addition, documents accepted by the Catholic Church and the Congregation for the Causes of Saints since the 17th century were used mentioning the existence of Juan Diego and the apparitions of the Virgin of Guadalupe. During the study the features of the Guadalupe's apparition were identified in sources of Spanish and Indian origins. The tradition of the apparition of the Virgin of Guadalupe was the object of the study. The subject of the study was the interpretations of the Guadalupe's apparition by representatives of various segments of the population of New Spain in 16th–17th centuries. This study is a synthesis of a historical-genetic method that allows us to assess the dynamic development of interpretations of the traditional narrative of the Virgin Mary of Guadalupe, and comparative method that allows to identify coincidences and contradictions in the representation of certain details, assessing the role of individuals, etc. Within the framework of the chosen

methodology key points were identified, based on a comparative analysis of which it is possible to show the evolution of interpretations: the year of the apparition of the Virgin Mary, which is a point of divergence in a number of sources, the historicity of Juan Diego, according to tradition, who was a direct witness of the apparition, and the issue of the continuity of the cult of the Mexica goddess Tonantzin and Our Lady of Guadalupe, related to the alleged coincidence of the place of worship at the foot of Tepeyac hill.

Keywords: New Spain, religion, cultural tradition, the Virgin of Guadalupe, interpretations, Juan Diego

Klimov Nikolai S.

New Spain coin production

The article deals with the study of coin production in the Viceroyalty of New Spain and the analysis of the main trends of royal monetary politics of 16th – early 19th centuries, as well as the analysis of the social context of the functioning of mints. The work is based primarily on legislative documents related to monetary production, since this type of sources allows comprehensive analysis of political changes in relation to the industry under study, and may be considered direct reflection of the interests of the Crown. The essay of the General Director of Mines of New Spain Fausto de Elhuyar involved in the study allows to assess the state of affairs in the mining and monetary industry throughout the period under study from the point of view of a contemporary professional. Also, data from the numismatic online catalog was used during the study as visual material. The article examines the features of the monetary system and monetary circulation in New Spain and highlights the problems associated with them. Special attention is paid to the development of mining, because metal mining was an essential part of the production of money. The formation of certain social groups, such as miners, coiners and royal officials of the mint during the study period, is noted, and the socio-economic situation of these groups is analyzed. Due to the peculiarities of the crown's policy, there is a lag behind Castile in some areas, including production, which directly affected the quality of the coins produced, as well as social area, which played a role in shaping the living conditions of people involved in the industries above mentioned.

Keywords: New Spain, mint, monetary system, monetary politics

Kolesnichenko Diana V.

Propagandistic activities of the Telegraphic agency of the Soviet Union during the Great Patriotic War

In the article, the author examines the activities of the central information agency of the Soviet Union during the Great Patriotic War. The author reveals the history of the organ's creation, its main tasks, and functions during the war years. Much attention is paid to the propaganda

activities of the Telegraph Agency of the Soviet Union. The author analyzes the TASS campaign activities through the «Okna» TASS's, identifies four groups of posters published during the Great Patriotic War, and talks about the work of TASS during the Great Patriotic War.

Keywords: Telegraph agency of the Soviet Union; «Okna» TASS; poster; The Great Patriotic War; agitation

Koroleva Anastasiya A.

Deconstruction of the soviet concept of Decembrism in modern Russian historiography

The author of the study aims to create a historiographical review of deconstruction and demythologization of the Soviet concept of Decembrism in the modern intellectual process. Because of the 1990s – early 2000s trends, the works that contributed to the Soviet concept with the reverse, i.e. negative assessments of the Decembrists and their activities spread. However, since the mid-2000s historians begin to consider the object from the current positions of the history of terms, new intellectual history, and apply interdisciplinary methods. As a result, the formation of the Decembrist myth was constructed. It began in 1826 and went through several stages, both in official and opposition discourse. Through this, it is possible to clear the image of Decembrism from the “layers of myth”; in potential research.

Keywords: Decembrism, M.V. Nechkina, deconstruction, historical myth, historiography

Ryabova Dar'ya Yu.

Scientific views of the ancient Maya

The article focuses on the analysis of scientific, calendar-astronomical and religious concepts and their form of representation in ancient Mesoamerica in comparison with the results of similar phenomena of the Old World, presented as cults. This direction of the research wasn't chosen by chance, since the scientific concepts of antiquity, presented in the form of myths and rituals, religious beliefs were the basis for the formation of a certain model of the world. A key role in this process was played by one of the most developed societies of the pre-Columbian period, the ancient Maya civilization, which through its mathematical calculations and astronomical observations gave modern science a new model of the world and considerable interest in the study of archaeoastronomy in general. In turn, the work is based on a source base, such as the Maya manuscripts deciphered by Y.V. Knorozov, which clarified the essence of many aspects of Maya mythology. The article also analyzed the Kiche epos *Popol-Vuh*, which contains patterns of religious beliefs and reflects the duality of the cosmos among the Maya, which allows us to analyze the myths of the

ancient civilization of human origin and the history of his existence. The work of the Franciscan missionary Diego de Landa *Account of the Affairs of the Yucatan* was also an important source.

Keywords: ancient Mesoamerica, Old World, cults, world model, archaeoastronomy, mythology, duality of the Maya cosmos

Sidorova Tat'yana Yu.

The politics of memory of the Holocaust
in Modern Russia: features and prospects

The problem of this research is the representation of the tragedy of the Holocaust in the state policy of memory of modern Russia. The source base of the research is the speeches of representatives of the authorities of the Russian Federation in regard to this issue. The Holocaust had an impact on the entire modern world, including Russia, where the discussion about the common pages of the historical past is conducted through the prism of a certain ethical system. This problem is relevant, since only at the beginning of the 21st century, government institutions began to talk about the Holocaust openly after many years of Soviet silence on the tragedy. The article is devoted to the analysis of the activities of the state in relation to the policy of remembrance of the Holocaust. The paper identifies the features of the representation of the Holocaust in Russia, in particular, its consideration through the prism of the merits of the Red Army and the inclusion of the Holocaust in the tragedy of the Great Patriotic War. These features can be identified from the speeches of representatives of the Russian Federation at international forums and official statements in the media. The article also mentions legislative initiatives to address this problem and their practical application.

Keywords: politics of memory, Holocaust, modern Russia, memory studies, anti-Semitism, public policy

Stytsenko Aleksei S.

The group for perpetuating the memory
of Soviet citizens who fought fascism
on the territory of European countries in 1976–1989

The article is the analysis from the point of view of the actor-network theory (ANT) of the activity of the special group for the creation of expositions in international memorial museums and the putting in order of memorial sites, is the research of the interaction of the special group with the high-ranking leadership of the USSR and directors of European museums, is the investigation of the formation of the memory of the Great Patriotic War among Soviet citizens.

Keywords: Obelisk centre, politics of memory, Actor-network theory (ANT), Great Patriotic War

Tripolko Sof'ya O.

Dual faith and religious syncretism in 16th–17th centuries
Yucatan according to “Informe contra idolorum cultores
del obispado de Yucatán” by Pedro Sanchez de Aguilar

The article deals with an analysis of manifestations of religious syncretism characteristic for indigenous population of early colonial Yucatan. The study bases on a report on action taken against remnants of pagan beliefs in eastern Yucatan composed by Pedro Sanchez de Aguilar (1555–1648), a prominent New Spanish cleric of early colonial period. This work reveals author's view on success of evangelization of Yucatec Maya but also contains a description of religious situation in the peninsula in the end of the 16th – beginnings of the 17th century, and shed light on some particular cases of religious syncretism among indigenous population. Analysis of these cases, proposed in the article, gave way to detection of particular perception of catholic faith by indigenous peoples and key facets of European religious doctrine, integrated by the Maya into a new syncretic complex of religious beliefs, which produced a mixture of traditional Maya beliefs and Cristian theology. Analysis Aguilar's work is also makes scientific interest for capturing the results of evangelization of indigenous population in the moment, when the Maya people had already lived under Spanish catholic rule for several generations. This picture reveals the elements of prehispanic religious practices that perhaps possessed a great importance of Maya culture and demonstrated the highest persistence under constant pressure on behalf of dominating European Christianity.

Keywords: New World, New Spain, evangelization, the Maya, religious syncretism

Сведения об авторах

Арсеньев Николай Сергеевич, студент магистратуры, образовательная программа «История идей и интеллектуальной культуры», Институт филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; ns_arsenev@mail.ru

Бабулевич Виктория Юрьевна, студентка, образовательная программа «Лингвистика (Перевод и переводоведение). Английский язык и второй язык по выбору)», Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта; vbabulewich@mail.ru

Емцова Анастасия Владимировна, студентка, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; emtsova_2002@mail.ru

Климов Николай Станиславович, студент Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; klimov.nickolay02@mail.ru

Колесниченко Диана Владиславовна, студентка, факультет архивоведения и документоведения, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; dianakolesni4enko@yandex.ru

Королева Анастасия Алексеевна, студентка магистратуры, исторический факультет, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; Anastasi-NN@yandex.ru

Косиченко Иван Никитович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; ivan.kosichenko@gmail.com

Рябова Дарья Юрьевна, студент, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; daria.ryabowa@gmail.com

Сидорова Татьяна Юрьевна, студентка, исторический факультет, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; adxrx1.00@gmail.com

Стыцено Алексей Сергеевич, студент, исторический факультет, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; stytsa@mail.ru

Триполко Софья Олеговна, студентка, Учебно-научный мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета; sofyaatrl@yandex.ru

General data about the authors

Arsenëv Nikolai S., first-year master's student, "History of ideas and intellectual culture" program, Russian State University for the Humanities; ns_arsenev@mail.ru

Babulevich Victoriya Yu., student, Linguistics, "Translation and translation studies (English and a second foreign language of choice – German/French/Swedish/Polish)", Institute for the Humanities Immanuel Kant Baltic Federal University; vbabulewich@mail.ru

Emtsova Anastasiya V., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; emtsova_2002@mail.ru

Klimov Nikolai S., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; klimov.nickolay02@mail.ru

Kolesnichenko Diana V., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; dianakolesni4enko@yandex.ru

Koroleva Anastasiya A., masters' degree student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; Anastasi-NN@yandex.ru

Kosichenko Ivan N., Cand. of Sci. (History), senior lecturer, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; ivan.kosichenko@gmail.com

Ryabova Dar'ya Yu., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; daria.ryabowa@gmail.com

Sidorova Tat'yana Yu., student, Educational and Scientific Center "New Russia. History of Post-Soviet Russia", Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; adxxi.00@gmail.com

Stytsenko Aleksei S., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; stytsa@mail.ru

Tripolko Sof'ya O., student, Yuri Knorozov Center for Mesoamerican studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; sofyatrl@yandex.ru

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 6,2.
Заказ № 1426

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6